

З А Р У Б Е Ж Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

САРА ПАРЕЦКИ

Опасен каждый шаг, когда
главная цель — наказать
демонов из темного мира
денег и власти...

АНГЕЛ- ХРАНИТЕЛЬ

Сара Парецки
Ангел-хранитель
Серия «Ви.Ай. Варшавски», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73907397
Ангел-хранитель. Роман: Гермес Букс; Москва; 2026
ISBN 978-5-9524-6686-9

Аннотация

Пожилой сосед частного детектива В. Варшавски просит ее разобраться с внезапным исчезновением восьмидесятилетнего соратника из профсоюза. Она начинает расследование и узнает, что пропавший пенсионер найден плавающим лицом вниз в канале. Теперь приходится пристегнуть наплечную кобуру, чтобы разузнать о профсоюзах и политиках Чикаго, потому что, если она будет на стороне полицейских «ангелов-хранителей», это не принесет ей бонусов... но идеально подходит для расследования насильственной смерти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	83
Глава 8	95
Глава 9	105
Глава 10	119
Глава 11	128
Глава 12	139
Глава 13	151
Глава 14	161
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Сара Парецки

Ангел-хранитель

Роман

Sara Paretsky
Guardian Angel

* * *

Copyright © Sara Paretsky, 1992

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

* * *

Мэтт и Еве

*Поступь легка, потому что ваша поступь в
ваших мечтах.*

У.Б. Йейтс

Глава 1

Секс и единственная женщина

Горячие поцелуи покрывали мое лицо, вытягивая меня из глубокого сна на грань сознания. Я застонала и глубже зарылась в одеяло, надеясь снова погрузиться в манящие волны снов. Но моя подружка и не думала успокаиваться, она сунула голову под одеяло и продолжала изливать на меня охватившие ее нежные чувства.

Я накрыла голову подушкой, тогда она принялась жалобно скулить. Теперь уже окончательно разбуженная, я повернулась и посмотрела на нее испепеляющим взглядом:

– Еще и половины шестого нет. Нельзя же вставать в такую рань.

Она не обратила никакого внимания ни на мои слова, ни на попытки спихнуть ее с груди, а только не отрываясь глядела на меня своими большими карими глазами, чуть приоткрыв рот и показывая кончик своего розового языка. Я улыбнулась ей, и она с беспокойством лизнула меня в нос. Я села, отстранив ее голову от своего лица:

– Вот из-за этих-то поцелуев ты и попала в затруднительное положение.

Счастливая оттого, что я наконец проснулась, Пеппи скадилась с постели и направилась к двери. Желая удостове-

ряться, что я иду за ней, она обернулась, слегка поскуливая от нетерпения. Я протянула руку к куче одежды, валявшейся рядом с кроватью, натянула хлопчатобумажный спортивный свитер и шорты и на непослушных после сна ногах заковыляла к задней двери. Нащупала тройной замок. К тому времени Пеппи скулила уже всерьез, но, демонстрируя свою воспитанность, терпеливо ждала, пока я открою дверь.

Я смотрела, как она спускалась, преодолевая один за другим три лестничных пролета. Из-за беременности бока ее округлились, и двигалась она теперь куда медленнее, чем раньше, но все же дошла до места у задней калитки. Однако, закончив дела, она уже не стала совершать обычный обход двора, разгоняя кошек и прочих мародеров, а вразвалочку возвращалась к лестнице. Остановившись у дверей первого этажа, Пеппи отрывисто гавкнула.

Прекрасно. Пусть мистер Контрерас заберет ее. Он мой сосед, живет на первом этаже, считается вторым хозяином моей собаки и полностью отвечает за ее нынешнее состояние. Ну нет, не полностью – это работа того черного кобеля, который живет через четыре дома вверх по улице.

У Пеппи началась течка на той неделе, когда я уезжала из города в связи с диверсией на одном производстве. Договорилась со своим приятелем, перевозчиком мебели со стальными мускулами, что он будет выгуливать ее два раза в день на коротком поводке. Когда мистер Контрерас услышал, что Тим Стритер будет тоже заботиться о собаке, его это глубоко

уязвило. Впрочем, не могу передать словами его состояние. Он дал мне понять, что Пеппи – прекрасно воспитанная собака, она прибегает по первому зову и не нуждается в том, чтобы ее выводили на коротком поводке, да и вообще, кем я себя воображаю, чтобы просить людей выгуливать ее? Он, мистер Контрерас, единственный, кто по-настоящему заботится о собаке, меня-то не бывает дома по двадцать часов в сутки, а вот теперь я еще и уезжаю из города, не так ли? Еще один пример моего небрежного к ней отношения. К тому же он на девяносто процентов уверен, что я кручу романы с какими-то молокососами и мне нет дела до собаки.

Торопясь, я прервала его на полуслове, заметив только, что прожитые им семьдесят семь лет действительно оставили на нем свой безжалостный отпечаток, и попросила его сделать так, как я прошу. Только через десять дней мне довелось узнать, что мистер Контрерас дал Тиму от ворот поворот, как только тот ступил на его порог.

Результаты случившегося «бедствия» были легко предсказуемы.

Когда на уик-энд я вернулась из Каннаки, старик встретил меня с выражением глубокой скорби на лице.

– Я не знаю, как это произошло, дочка. Она всегда была такой послушной, прибегала, как только ее позовут, а тут рванулась от меня и кинулась вниз по улице. У меня душа ушла в пятки, я подумал: «Господи Боже мой, а что, если ее побьют, или она потеряется, или ее украдут?» Вы же читали

об этих подонках, которые нанимают людей, чтобы те крали собак на улице и даже со дворов, и тогда уж вы никогда больше не увидите свою любимицу и не узнаете, что с ней случилось. О господи! Я почувствовал такое облегчение, когда она снова прибежала ко мне. Ну что я могу еще сказать, чтобы вы поняли...

В ответ я разозлилась:

– И что же я должна понять? Вы не захотели стерилизовать ее, значит, должны были следить за ней во время течки. Если бы вы не были таким непроходимым тупицей, то не стали бы прогонять Тима. Скажу вам больше: я не собираюсь тратить свое время на то, чтобы подыскивать пристанище для ее проклятого потомства.

Мои слова, в свою очередь, вызвали в нем ответный порыв гнева, и, удаляясь в свою квартиру, он со злостью хлопнул дверью. Я избегала его на протяжении всей субботы, но знала, что мы должны помириться, прежде чем я снова уеду из города. Не могла же я оставить старика в расстроенных чувствах, да еще с ощущением полной ответственности за приключившееся несчастье. Как бы там ни было, я сама уже не в том возрасте, чтобы наслаждаться своей злобой на кого-либо. В воскресенье утром я спустилась, чтобы урегулировать наш конфликт, и даже осталась в городе в понедельник, чтобы мы могли вместе поехать к ветеринару.

Мы были похожи на вечно ссорящихся родителей своего-нравного подростка, когда, пропуская вперед собаку, пере-

ступали порог кабинета. Ветеринар нисколько не приободрил меня, сообщив, что иногда у таких золотистых собак бывает по двенадцать щенков в одном помете.

– Но поскольку это ее первая беременность, возможно, щенков будет несколько меньше, – добавил он с веселым смехом.

Мистер Контрерас, наоборот, пришел в неопиcуемый восторг от перспективы рождения двенадцати маленьких черно-золотистых пушистых комочков.

Всю дорогу до Каннаки я мчалась со скоростью восемьдесят пять миль в час и оттягивала свое возвращение, насколько это было в моих силах.

Это случилось два месяца назад. Теперь я смирилась с состоянием Пеппи, но все же почувствовала большое облегчение оттого, что она, казалось, собирается оцениться на первом этаже. Мистер Контрерас ворчал из-за того, что она рвала газеты и стаскивала их за его кушетку, но я знала, что он бы не перенес удара, реши она устроиться в моей квартире.

С приближением родов она проводила почти все время у него дома, а вчера мистер Контрерас ушел в «Лас-Вегас-найт», где собирался церковный приход. Это собрание было запланировано еще шесть месяцев назад, и мистер Контрерас не хотел пропустить его, но он дважды звонил мне, чтобы удостовериться, что у Пеппи еще не начались роды, а в третий раз он позвонил в двенадцать ночи, чтобы прове-

ритель, записала ли я номер телефона в том зале, который они арендуют. Именно из-за этого его третьего звонка я и испытала злорадное удовольствие, когда Пеппи вздумала будить его ни свет ни заря.

Утреннее июньское солнце ярко светило, но воздух был еще настолько прохладен, что мои босые ступни оледенели и не чувствовали пола в подъезде. Я вошла в свою квартиру, не дожидаясь, пока старик встанет с постели. До меня все еще доносился приглушенный лай Пеппи, когда я сбросила шорты и снова залезла под одеяло. Моя босая нога скользнула по влажному пятну на простыне. Кровь. Это не могла быть моя кровь; значит, это кровь собаки.

Я снова натянула шорты и набрала номер мистера Контрераса. Я успела надеть гольфы и кроссовки, прежде чем он снял трубку; его голос звучал так хрипло, что я не сразу узнала его.

– Вы, должно быть, неплохо повеселились вчера вечером в кругу друзей, – бодро проговорила я. – Но сейчас вам бы лучше подняться и встретить приход нового дня – вам в очередной раз предстоит стать дедушкой.

– Кто это? – скрипучим голосом спросил он. – Если это какая-нибудь шутка, вы бы лучше хорошенько подумали, прежде чем звонить людям в такую рань и...

– Это я, – прервала я его речь, – Виктория Варшавски. Ваша соседка сверху, припоминаете? Так вот, ваша маленькая собачка Пеппи надрывается от лая за вашей дверью вот

уже добрых десять минут. Полагаю, она хочет войти и принести вам щенков.

– Ох, ох. Это вы, дочка. Что там такое с собакой? Она лает у моей задней двери. Давно вы выпустили ее на улицу? Ни к чему ей слоняться там и лаять, когда ей уже подходит время родить – знаете, она может и простудиться.

Я проглотила все возможные саркастические замечания и сказала:

– Только что в собственной постели я обнаружила кровавые пятна. Она, видимо, вот-вот будет рожать. Я сейчас спущусь, чтобы помочь вам сделать все как следует.

Мистер Контрерас принялся выдавать мне сложные инструкции о том, что я должна на себя надеть. Поскольку конца его наставлениям не предвиделось, я без всяких церемоний повесила трубку и снова вышла из квартиры.

Ветеринар подчеркнул, что Пеппи не нуждается ни в какой помощи при родах. Если мы станем вмешиваться, когда она будет тужиться, или принимать новорожденных щенков, то это может настолько растревожить ее, что потом она уже не сможет справиться сама. У меня не было никакой уверенности, что мистер Контрерас вспомнит об этом в критический момент.

Когда я спустилась вниз, старик как раз закрывал за Пеппи заднюю дверь. Он обеспокоенно взглянул на меня сквозь глазок и куда-то скрылся. Когда он наконец открыл передо мной дверь, у него в руках была старая рабочая блуза, пред-

назначавшаяся для меня.

– Прежде чем вы войдете, наденьте вот это, – сказал он.

Я отстранила протянутую мне рубашку:

– Я надела свой старый спортивный свитер. Ничего не случится, если я его запачкаю.

– Я нисколько и не волнуюсь за ваш дурацкий гардероб. Я беспокоюсь о том, что на вас надето под свитером. Или о том, что на вас не надето.

Я уставилась на него с неподдельным изумлением:

– С каких это пор мне нужно надевать бюстгальтер для того, чтобы ухаживать за собакой?

Его морщинистое лицо густо покраснело. Сама мысль о дамском белье приводила его в величайшее смущение, не говоря уже об упоминании вслух интимных деталей туалета.

– Дело не в собаке, – волнуясь, проговорил он. – Я пытался объяснить вам по телефону, но вы бросили трубку. Я знаю, в каком виде вы любите расхаживать по дому, и это меня нисколько не беспокоит, потому что вы, в общем, порядочная женщина, но ведь не все так думают, как я. Согласитесь.

– Вы думаете, это беспокоит собаку? – Я повысила голос. – Кого еще, черт возьми... Ах, ну да. Ночью вы привели кого-то к себе домой из этого вашего притона. Хорошо, хорошо. Недурной был вечерок, а?

При обычных обстоятельствах я не стала бы так грубо вторгаться в чью-то личную жизнь, но я чувствовала себя просто обязанной проучить старика за то, что он постоянно

совал свой нос в мои дела, интересуясь всеми лицами мужского пола, навещавшими меня за последние три года.

Мой сосед побагровел.

– Это не то, что вы думаете, дочка. Ничего похожего. На самом деле это один мой старый приятель. Митч Крюгер. С тех пор как мы оба ушли на пенсию, он все время пытался свести концы с концами, и ему очень тяжело приходилось, а теперь он совсем уже дошел до точки, так что вчера ночью он пришел, чтобы выплакаться мне в жилетку. Конечно, как я и говорил ему, не пропей он все свои сбережения, ему не пришлось бы сейчас ни о чем беспокоиться. Ну да не об этом речь. Дело в том, что он никогда не мог удержаться, чтобы не распускать руки, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Я прекрасно знаю, что вы имеете в виду, – отозвалась я. – И обещаю вам, что, если этот парень восплает ко мне страстными чувствами, я сумею отделаться от него, не выкручивая ему рук, учитывая ваши дружеские отношения и его возраст. Ну а теперь уберите вашу куртку и позвольте мне взглянуть, как чувствует себя ее собачье высочество.

Мои слова не слишком обрадовали его, но все же он провел меня в квартиру, хотя с явной неохотой. Как и у меня, в его квартире было четыре комнаты, и планировка напоминала товарный вагон. Из кухни вы попадали в столовую, а затем в маленький холл, куда выходили двери спальни, ванной комнаты и гостиной.

На софе в гостиной оглушительно храпел Митч Крюгер,

широко раскрыв рот, над которым нависал огромный мясистый нос. Одна рука свисала с кровати, так что кончики пальцев касались пола. Из-под края одеяла высовывалась верхушка пышной седой растительности, покрывавшей его грудь.

Не обращая на него внимания, насколько это было в моих силах, я присела возле софы, оказавшись в опасной близости от его дурно пахнущих носков, и заглянула за спинку софы, чтобы увидеть Пеппи. Она лежала на боку в своем логове из обрывков газет. Последние несколько дней она была занята в основном устройством своего гнезда, стаскивая отовсюду газеты и складывая их поверх одеял, которые мистер Контрерас специально положил для нее. Увидев меня, она отвернулась, но все же один раз слабо вильнула хвостом, желая показать, что она не держит на меня зла.

Я поднялась.

– По-моему, с ней все в порядке. Я пойду наверх и приготовлю кофе. Я скоро вернусь. Запомните, что ее надо оставить одну, – никто не должен подходить к ней и пытаться ее гладить и вообще трогать ее.

– Нечего объяснять мне, как управляться с собакой, – обиженно буркнул старик. – Полагаю, что я слышал ветеринара так же хорошо, как и вы. И даже лучше, раз я водил ее на консультации, пока вы были бог знает где.

Я усмехнулась:

– Ладно. Делайте, как знаете. Не знаю, как ей понравится

ваш приятель, но я на ее месте отдала бы обратно весь свой завтрак.

– Она ничего не ела, – начал было он, но затем его лицо прояснилось. – О, я вас понял. Ладно, я перемещу его в спальню. Но я не хочу, чтобы вы при этом были здесь и смотрели, как я буду это делать.

Я скорчила гримасу:

– Я и сама этого не хочу.

Я вовсе не была уверена в том, что меня не вывернет наизнанку при взгляде на то, что может находиться ниже седой поросли на груди.

Очувтившись дома, я внезапно почувствовала себя слишком усталой, чтобы возиться с кофе, не говоря уже о том, чтобы успокаивать мистера Контрераса в ожидании близкого отцовства. Я стянула с постели запачканную кровью простыню, сбросила кроссовки и легла.

Когда я снова проснулась, было уже почти девять часов. Кроме щебетания птиц, спешащих воспеть материнство Пеппи, в мире за стенами моей квартиры царил тишина – одно из столь редких в городе мгновений тишины, которые дают горожанам ощущение мира и покоя. Я наслаждалась этим состоянием, пока визг тормозов и яростный гудок автомобиля не разрушили чары. Послышались сердитые крики – еще одно столкновение. Я понадеялась только, что разбили БМВ, а не мой драгоценный «пontiак».

Я встала и направилась на кухню, чтобы приготовить ко-

фе. Когда я переехала сюда пять лет назад, это был тихий район, где жили «синие воротнички». Это означало, что жилье здесь было мне по средствам. Теперь всех захлестнула страсть к реконструкции. Цены на жилье поднялись втрое, а на транспорт – вчетверо, и повсюду выросли изысканные магазинчики, призванные удовлетворить тонкие вкусы этих господ.

Я наспех сделала гимнастику – все равно у меня не было времени на утреннюю пробежку. Честно надев бюстгальтер, я снова натянула шорты и спортивный свитер и вернулась в нашу родильную палату.

Мистер Контрерас подошел к двери быстрее, чем я ожидала. Его растерянное лицо навело меня на мысль, не надо ли мне вернуться за ключами от машины и правами.

– Она еще не разродилась, дочка. Я просто не знаю... я звонил ветеринару, но по субботам доктор приходит не раньше десяти, и мне ответили, что это не скорая помощь и они не могут дать мне его домашний телефон. Как вы считаете, может, вам лучше позвонить самой и попытаться поговорить договориться с ними?

Я усмехнулась про себя. Это уже огромная уступка с его стороны, если старик решил, что в этой ситуации я справлюсь лучше его.

– Дайте-ка я сначала взгляну на нее, – сказала я.

Когда мы проходили через столовую в холл, до меня из-за закрытой двери спальни отчетливо донесся храп Крюгера.

– У вас не возникло никаких проблем с тем, чтобы его переместить? – спросила я.

Шум и перебранка на повышенных тонах могли так напугать собаку, что наивно было бы рассчитывать на легкие роды.

– Я в первую очередь заботился о принцессе, если вы это имеете в виду. И нечего вам меня критиковать, сейчас мне это нисколько не поможет.

Я прикусила язык и вошла следом за ним в гостиную. Собака лежала почти так же, как я оставила ее, уходя к себе, но теперь я могла видеть темную лужицу, расплывшуюся вокруг ее хвоста. Я надеялась, что это означает хоть какой-то прогресс. Пеппи видела, что я смотрю на нее, но не подавала никаких знаков. Вместо этого она засунула морду под бок и принялась себя вылизывать.

Действительно ли с ней все в порядке? Очень легко, конечно, рассуждать о том, что не надо ее трогать, но вдруг она истечет кровью оттого, что мы не поняли опасности ее состояния?

– Что вы думаете? – обеспокоенно спросил мистер Контрерас, словно читая мои собственные тревожные мысли.

– Я думаю, что ничего не знаю о том, как рождаются щенки. Сейчас без двадцати десять. Давайте подождем, пока придет этот парень, ветеринар. На всякий случай я пока схожу за ключами.

Мы уже решили сделать ей в машине подстилку, чтобы

отвезти ее в лечебницу, когда на свет показался первый щенок, скользкий, будто шелковый. Пеппи мигом набросилась на него, слизала послед и с помощью зубов и передних лап пристроила его рядом с собой. Следующий щенок появился только после одиннадцати часов, но затем они стали рождаться примерно через каждые полчаса. Я уже начала подумывать, что она оправдала предсказание ветеринара и принесет дюжину щенков. Но около трех часов, когда восьмое крошечное создание проложило себе путь к соску, она решила остановиться.

Я поднялась и пошла на кухню посмотреть, как мистер Контрерас готовит для нее еду в большой миске, смешивая сухой собачий корм с яичницей и витаминами. Он был настолько поглощен этим процессом, что пропустил мимо ушей все мои вопросы о «Лас-Вегаснайт» и о Митче Крюгере.

Я поняла, что теперь я здесь уже не нужна. Тут я вспомнила, что мои друзья играют сейчас в софтбол в гавани Монтроуз и устраивают там пикник, а я обещала, что постараюсь присоединиться к их компании. Я отодвинула щеколду на задней двери.

– Что случилось, дочка? Вы куда-то собираетесь? – Мистер Контрерас на минуту оторвался от своего занятия. – Вы можете спокойно идти. Будьте уверены, я как следует позабочусь о принцессе. Восемь, – пробормотал он себе под нос, – восемь, и она великолепно справилась! Вот молодчи-

на!

Когда я закрывала заднюю дверь, старик издал ужасающий звук. Я была уже на полпути к своей квартире, как вдруг меня осенило: он пел. Думаю, что песня называлась «О, что за чудесное утро!».

Глава 2

Форма одежды повседневная

– Так, значит, ты заделалась акушеркой? – насмешливо спросила меня Лотти Хершел. – Я всегда думала, что тебе следует иметь какую-нибудь профессию про запас: что-нибудь приносящее надежный доход. Но в наши дни я бы поостереглась рекомендовать тебе заниматься акушерством – страховка тебя разорит.

Я погрозила ей пальцем:

– Ты просто не хочешь, чтобы я вторгалась в твои владения. Когда женщина достигает вершины своей профессиональной карьеры, она не может спокойно видеть, как молодые карабкаются следом за ней.

Макс Левенталь хмуро поглядел на меня через стол: это было самое несправедливое обвинение, какое я только могла придумать. Лотти, одна из ведущих перинатологов города, всегда протягивала руку помощи женщинам моложе ее, чтобы вытянуть их наверх. И мужчинам тоже.

– А что ты скажешь насчет отца? – быстро сменил тему сын Макса Майкл. – Ты знаешь, кто он? И не собираешься ли ты заставить его платить алименты на детей?

– Хороший вопрос, – заметила Лотти. – Если твоя Пеппи такая же, как те юные мамы, которые мне часто попада-

ются, то вряд ли ты получишь много собачьего печенья от отца. Но может быть, его хозяин поможет?

– Сомневаюсь. Отец – черный лабрадор, который живет немного дальше на нашей улице. Но я не могу себе представить, как миссис Фризелл помогает ухаживать за восемью щенками. У нее у самой пять собак, и я понятия не имею, где она берет деньги, чтобы прокормить их.

Миссис Фризелл была одной из тех, кто упрямо сопротивлялся нововведениям на той части Расин-авеню, где я жила. Ей было уже за восемьдесят, и она являла собой именно тот тип старух, который наводил на меня ужас в детстве. Спутанные седые волосы торчали во все стороны из колтуна на голове. И летом и зимой она носила одно и то же одеяние из выцветшей полосатой ткани и бесформенные свитера.

Несмотря на то что ее дом срочно нуждался в покраске, он был еще достаточно крепким. Бетонные ступени крыльца и крышу заменили как раз в тот год, когда я въехала в свою квартиру. С тех пор я ни разу не видела никаких признаков деятельности на ее участке и смутно догадывалась, что где-то у нее есть дети, которые решают наиболее серьезные проблемы. Ее двор, очевидно, не входил в число этих проблем. Никто никогда не подстригал кустов, не поливал летом траву, и миссис Фризелл, казалось, совершенно не заботило, что прохожие бросают к ней во двор пустые банки и пачки из-под сигарет.

Ее двор был больным местом для комитета по благо-

устройству квартала, или как там называли себя мои стремительно продвигающиеся вверх по социальной лестнице соседи. Точно так же им не нравились и ее собаки.

Единственной породистой собакой был тот самый лабрадор, остальные четыре были различного рода дворняжки всех размеров – от огромной грязновато-белой собаки, копии Бенджи, до существа, которое больше всего напоминало ходячие пушистые серые наушники. Считалось, что животные весь день заперты в доме, за исключением двух раз в день, когда миссис Фризелл выгуливала всю свору на перепутавшихся поводках, но лабрадор, в частности, приходил и уходил когда ему вздумается. Он перепрыгнул четырехфуттовую изгородь, чтобы залезть на Пеппи, а возможно, и на других собак, но миссис Фризелл не поверила бы ни одному разъяренному владельцу собаки, который говорил ей об этом.

– Он весь день был во дворе, – бросала она в ответ.

И как-то так получилось, в результате непонятной телепатической связи, которая возникает между некоторыми собаками и их хозяевами, он чудесным образом появлялся во дворе каждый раз, когда она открывала дверь.

– Это, похоже, проблема для департамента здоровья, – живо сказала Лотти. – Одинокая пожилая женщина с пятью собаками? Я не вынесу даже мысли о запахе, который стоит у нее в доме.

– Да, – согласилась я, но не совсем искренне.

Лотти предложила десерт Майклу и его спутнице, композитору из Израиля Ори Нивицки. Майкл, который обосновался в Лондоне, приехал в Чикаго на несколько дней, чтобы дать концерт с Чикагским симфоническим оркестром. Сегодня вечером он должен был давать сольный концерт в «Аудиториуме»¹ в пользу «Чикаго сеттлмент», группы помощи беженцам. Это был излюбленный вид благотворительности жены Макса, Терезы, до ее смерти девять лет назад. Сегодняшний концерт Майкла был посвящен ее памяти. Орь исполняла партию гобоя в концерте для гобоя и виолончели, написанном ею и посвященном Терезе Левенталь.

Орь отказалась от десерта.

– Предпремьерная нервозность, – объяснила она. – И кроме того, мне нужно еще переодеться. – На Майкле уже был чрезвычайно элегантный фрак, но Орь привезла с собой концертное платье к Лотти. – Так я могу притвориться, что это самый обычный вечер, так долго, как возможно, и наслаждаться обедом, – проглатывая слова, объяснила она на плохом английском.

Пока Лотти вышла, чтобы помочь Ори застегнуть на спине платье, Майкл вместе со своей виолончелью спустился вниз, чтобы вывести машину. Я убрала со стола посуду и поставила кипятить воду для кофе. При этом мои мысли были

¹ «Аудиториум» – театральный зал в Чикаго, заключенный в оболочку из десятиэтажных корпусов отеля и офисов. Построен в 1886–1889 гг. совместно Л. Салливаном и Д. Адлером.

больше заняты миссис Фризелл, чем премьерой Ори.

Я отказалась подписывать составленную соседями петицию, требовавшую, чтобы она подстригала газон и держала собак на привязи. Адвокат, который жил в отремонтированном доме как раз напротив ее двора, хотел подать на нее в суд и добиться от властей, чтобы у нее забрали собак. Он обошел все окрестности, пытаясь заручиться поддержкой. В нашем доме жильцы разделились на два лагеря примерно поровну. Винни, скупой и недалекий банковский служащий, что живет на первом этаже, охотно подписал бумагу, равно как и Кориенсы со второго этажа – у них трое детей, и они очень тревожатся, что собаки могут их покусать. Но мистер Контрерас, Берит Габриэльсен и я твердо встали на сторону оппозиции. Даже если я и хотела бы, чтобы миссис Фризелл кастрировала лабрадора, собаки, в сущности, не представляли никакой опасности. Всего лишь мелкая неприятность.

– Тебя беспокоят щенки? – Макс подошел сзади, пока я стояла в задумчивости у кухонной раковины.

– Нет, не слишком. Как бы то ни было, они живут у мистера Контрераса, так что не будут путаться у меня под ногами. У меня нет никакого желания ворковать над ними так же неустанно, как он, поскольку бесконечное подталкивание их к миске с едой и тому подобное представляется мне истинным кошмаром. А потом нужно подыскивать им дом, воспитывать тех, кого мы не смогли пристроить... но все-таки они восхитительны.

– Если хочешь, я повешу записку на доску объявлений в больнице, – предложил Макс. Он был главным администратором больницы «Бет Израэль», куда Лотти отправляла своих перинатальных пациентов.

Когда я благодарила его, в кухню ворвалась Орь. Она была ослепительна в своем угольно-черном креповом платье, которое облепляло ее тело подобно саже. Она поцеловала Макса в щеку и протянула мне руку:

– Приятно было познакомиться с вами, Виктория. Надеюсь, мы увидимся после концерта.

– Удачи вам, – сказала я. – Я буду рада услышать ваш новый концерт.

– Я знаю, что он произведет на тебя большое впечатление, Виктория, – сказал Макс. – Всю неделю я слушал их репетиции.

Майкл и Орь жили у него в Эванстоне.

– Да, Макс, только с вашим ангельским характером можно было терпеть нашу ругань и крики целых шесть дней. До свидания.

Было еще только шесть часов; концерт начинался в восемь. Сидя в просторной гостиной Лотти, мы втроем ели печеные груши с миндальным кремом и не спеша пили кофе.

– Надеюсь, Орь сочинила в честь Терезы что-нибудь удобоваримое, – произнесла Лотти. – Мы с Вик слушали ее октет и трио в исполнении Современного камерного ансамбля, и обе ушли с головной болью.

– Я не слышал как следует всей этой вещи целиком, но думаю, что вам понравится. Она проделала серьезную и трудную работу – исследовала прошлое с тех позиций, с которых большинство современных израильтян не хотят его рассматривать. – Макс взглянул на часы. – Наверное, у меня тоже начинается предпремьерная дрожь, но я бы предпочел выехать пораньше.

Машину вела я. Макс отдал свой автомобиль Майклу, и ни один здравомыслящий человек не позволил бы Лотти везти их в концертный зал. Макс грациозно уселся на маленькое заднее сиденье моего «транс-ам». Он наклонился вперед через спинку сиденья, разговаривая с Лотти, но, когда мы выехали на Лейк-Шор-Драйв, из-за шума моторов я не могла слышать, о чем они говорят. Когда я повернула с Монро и остановилась у светофора между Иннер-Драйв и Конгресс, я сумела разобрать обрывки их беседы. Лотти была чем-то очень расстроена в связи с Кэрол Альварадо, медсестрой и ее правой рукой в клинике. Макс с ней не соглашался.

Зеленый свет загорелся прежде, чем я успела понять, в чем заключалась проблема. Я свернула на Конгресс и поехала в сторону бессмертного творения Льюиса Салливэна². Лотти отвернулась от Макса, чтобы сделать мне замечание насчет высокой скорости, с которой я проехала поворот. Я

² *Салливэн Льюис* (1856–1924) – американский архитектор и теоретик архитектуры, один из пионеров рационализма. В числе его творений «Аудиториум» в Чикаго.

посмотрела в зеркало заднего обзора на Макса; его рот был плотно сжат. Я надеялась, что эта пара не затеет доброй ссоры в честь сегодняшнего вечера. И уж, во всяком случае, какое серьезное разногласие могло быть у них по поводу Кэрол?

На полукруге, соединяющем Конгресс с Мичиган-авеню, мы попали в пробку. Машины, направляющиеся к южному подземному гаражу, мешали проехать тем, что пытались остановиться у входа в театр. Двое полицейских ловко регулировали поток машин, свистя пешеходам, когда те пытались перебежать на тротуар напротив «Аудиториума». Я подъехала к обочине.

– Пожалуй, я высажу вас здесь, а сама поеду поставлю машину. Если я стану пробираться сквозь эту свалку, мы наверняка опоздаем.

Прежде чем выбраться из машины, Макс протянул мне свой билет. Хотя я и постелила одеяло на сиденье, чтобы скрыть следы пребывания Пеппи в моей машине, когда он выходил, я все же заметила на его смокинге золотисто-рыжие шерстинки. Я изобразила на лице смущение и украдкой взглянула на подол строгого кораллового вечернего платья Лотти. На нем тоже было несколько волосков. Я надеялась только на то, что беспокойство отвлечет ее мысли от одежды.

Я резко развернула машину, не обращая внимания на возмущенный свисток, и направила «транс-ам» обратно к Моно и северному гаражу. От этого места до «Аудиториума»

было всего полмили, но на мне была длинная юбка и туфли на высоких каблуках – не самая подходящая одежда для прогулок. Я проскользнула в ложу, которую дал нам Майкл, и уселась рядом с Лотти, когда в зале уже погас свет.

На сцену вышел Майкл, которому фрак придавал суровый и отрешенный вид. Он начал выступление «Вариациями на тему „Дон-Кихота“» Штрауса. Зал был полон – благотворительность «Чикаго сэтлмент» по какой-то причине стала нынче модной, – но эта толпа состояла вовсе не из любителей музыки. Их приглушенные разговоры создавали ровный гудящий фон, и они в паузах между вариациями все время начинали аплодировать. Майкл хмурился, поскольку это мешало ему сосредоточиться. В одном месте он повторил последние тринадцать тактов предыдущей части, и, как оказалось, для того, чтобы его снова прервали. Тогда он сделал сердитый презрительный жест и сыграл две последние вариации, даже не переводя дыхания. Аудитория вежливо поаплодировала, хотя и без особого энтузиазма. Майкл даже не поклонился, а просто повернулся и быстро ушел со сцены.

Следующий номер вызвал большой интерес: детский хор «Чикаго сэтлмент» исполнил пять народных песен. Хор пел очень слаженно, и детские голоса звучали с великолепной чистотой, но их появление на сцене вызвало в зале эффект землетрясения. Какие-то гении решили, что национальный костюм для такого случая подойдет больше, чем одеяния хористов, так что яркие шапочки и бархатные афганские кур-

точки сияли рядом с вышитыми белыми платяницами сальвадорских девочек. Зал ревел, вызывая певцов на бис, и стоя аплодировал солистам, мальчику-эфиопу и иранской девочке.

Во время антракта я оставила Макса и Лотти в ложе, а сама пошла прогуляться по фойе, что бы полюбоваться туалетами «сливок общества» – они были даже более яркими, чем наряды детей. Может быть, оставшись одни, Лотти и Макс сумеют уладить свои разногласия. Свирепость Лотти периодически вызывает ответные вспышки у всех ее родственников. Я вовсе не хотела оказаться посвященной в ее секреты, что бы там ни стряслось у нее с Кэрл.

На выходе из ложи я зацепилась каблуком за подол юбки. Я не привыкла носить вечерние платья. Я всегда забываю умерить свой шаг и через каждые несколько метров вынуждена останавливаться, чтобы высвободить каблук из опутавших его тонких нитей.

Я купила эту юбку тринадцать лет назад, во время моего короткого замужества, для рождественской вечеринки, которую устраивала фирма моего мужа. Черная шерсть, отливающая серебром, не шла ни в какое сравнение со сшитым на заказ вечерним туалетом Ори, но это была моя единственная элегантная вещь. В сочетании с черной шелковой накидкой и бриллиантовыми серьгами моей матери получался вполне приличный наряд для концертного вечера, но ему недоставало того оттенка драматизма, которым отличалось большин-

ство туалетов, увиденных мной в фойе.

Я была особенно очарована атласным платьем цвета бронзы, верхняя часть которого напоминала нагрудник римского легионера, – с той только разницей, что вырез доходил до талии. Я долго пыталась понять, каким образом его владелица умудряется так его носить, чтобы грудь не вываливалась в разрез. Может быть, она использует крахмал или клейкую ленту.

Когда звонок возвестил об окончании антракта, женщина в кирасе направилась в мою сторону. Я как раз думала, что бриллиантовое кольцо не идет к платью – что это был всего лишь случай для какого-нибудь ее поклонника продемонстрировать свое богатство, – но тут мой каблук снова зацепился за подол юбки. Я повернулась, чтобы высвободить его, и в это время с другого конца фойе в нашу сторону торопливо направился мужчина в белом смокинге:

– Тэри! Где ты была? Я хотел познакомить тебя кое с кем.

Мягкий властный баритон, с легким оттенком раздражения, так напугал меня, что я потеряла равновесие и упала прямо на пути еще одной увешанной бриллиантами дамы. К тому времени, когда она высвободила свои шпильки из моего плеча и мы холодно обменялись извинениями, Тэри и ее спутник исчезли в зале.

Но все равно я узнала этот голос: я просыпалась навстречу ему каждое утро целых два года – полгода сладостных эротических мучений, когда мы только закончили юридическую

школу и учились на адвокатов, и полтора года просто мучений после того, как мы поженились. Было похоже на то, что, надев свое лучшее выходное платье тех странных лет, я каким-то образом вызвала его, как вызывают духов.

Ричард Ярборо – так его звали. Он был партнером в «Кроуфорд, Мид», одной из самых крупных чикагских фирм. Он был не просто партнером, но и заметным человеком в фирме, среди клиентов которой числились два бывших губернатора и глава крупнейших компаний в Чикаго.

Эти факты известны мне только потому, что в свое время Дик имел привычку излагать их мне за завтраком с тем благоговением, с которым гид в соборе показывает посетителям гробницы. Он делал бы это и за обедом, но у меня не было никакого желания ждать его с обедом до двенадцати ночи, пока он не закончит отдавать запланированные на день поклоны богам престижа и богатства.

Вот так вкратце и можно объяснить, почему мы расстались, – меня недостаточно впечатляли деньги и власть, в которых он купался, и, кроме того, он вдруг решил, что я должна все бросить и стать японской женой, когда мы закончили юридическую школу и начали работать. Еще до нашего формального развода Дик понял, что в его случае жена – это важная часть его вложений капитала и что ему следовало бы жениться на женщине, у которой будет значительно больше тряпок, чем дочь бывшего полицейского и итальянской эмигрантки сможет унести. Его смущало вовсе не итальянское

происхождение моей матери, а тот налет эмигрантской убогости и нищеты, который мне не удалось бы смыть за всю жизнь. Он дал мне это понять, когда начал принимать приглашения от Питера Фелитти на его виллу «Оук-Брук», в то время как я по субботам была занята. Он сказал:

– Я принес за тебя извинения, Вик, и потом, я не думаю, что в твоём гардеробе есть что-нибудь подходящее для такого рода уик-энда, который устраивают Фелитти.

Через девять месяцев после нашего окончательного разрыва они с Тэри Фелитти поженились, под звуки фанфар, в пене белых кружев и с подружками невесты. Благодаря видному положению, которое занимал ее отец в финансовых кругах, это бракосочетание оказалось в центре всех выпусков новостей – и я не могла устоять перед тем, чтобы узнать все подробности. Из газет я узнала, что тогда ей было только девятнадцать лет, она была на девять лет моложе Дика. В прошлом году ему исполнилось сорок. Мне было интересно, начинает ли Тэри в свои тридцать два казаться ему старой.

Я никогда прежде не видела ее, но я могла понять, почему Дик считал, что она будет куда лучшим украшением фирмы «Кроуфорд, Мид», чем я. Во-первых, она не растянулась бы на полу в тот момент, когда билетеры закрывали двери в зал. Во-вторых, ей не пришлось бы нестись, приподнимая пыльный подол платья, чтобы не зацепиться им за высокие каблуки и попасть в зал, пока не закрыли двери.

Глава 3

Разжигая безумные страсти

Я буквально ввалилась в ложу, когда Майкл вместе с Орюю уже вышли на сцену. Услышав мое прерывистое дыхание, Лотти обернулась ко мне, удивленно подняв брови.

– Тебе что, пришлось бежать в антракте марафон, Вик? – прошептала она, пока все вежливо аплодировали.

Я махнула рукой:

– Слишком сложно сейчас объяснить. Здесь Дик, мой старый приятель Дик.

– И потому-то твой пульс скачет, как сумасшедший?

Ее ехидный выпад заставил меня покраснеть, но прежде чем я успела бросить в ответ какую-нибудь колкость, Майкл заговорил.

В нескольких фразах он объяснил, в каком большом долгу находится его семья перед гражданами Лондона, которые приняли их в те времена, когда Европа превратилась в настоящий ад, в котором они не смогли бы выжить.

– И я горжусь, что вырос в Чикаго, где людские сердца всегда были открыты тем, кто – в силу принадлежности к определенной расе, роду или вероисповеданию – не может дольше жить в родных краях. Сегодня вы услышите первое исполнение Концерта для гобоя и виолончели Ори Новиц-

ки под названием «Блуждающий жид», посвященного памяти Терезы Коксенс Левенталь. Тереза не жалела сил на поддержку «Чикаго сэтлмент». Она была бы тронута, увидев, какую поддержку вы оказываете этой важной благотворительной акции.

Это была отрепетированная речь, произнесенная быстро и невыразительно, поскольку аудитория также относилась ко всему весьма прохладно. Майкл слегка поклонился, сначала в сторону нашей ложи, потом Ори. Затем они оба уселись. Майкл настроил виолончель и посмотрел на Орь. Та кивнула, и они начали играть.

Макс был прав. Этот концерт не имел ничего общего с той атональной какофонией камерной музыки Ори. Композитор обратилась к народной музыке евреев Восточной Европы и нашла в ней темы для своего произведения. Музыка, забытая на пять десятилетий, снова ожила в тех отрывках, когда виолончель и гобой передавали мелодию друг другу. В какой-то момент казалось, что они нашли друг друга в размеренном антифоне. Внезапно гармония нарушилась, и антифон превратился в антагонизм. Инструменты вели такую яростную борьбу, что у меня на висках выступил пот. Их неистовство достигло своего апогея и оборвалось. Даже эта далекая от музыки аудитория затаила дыхание, когда в этой точке высочайшего напряжения возникла пауза. Потом виолончель вывела гобой из ужаса к миру, но этот мир был чудовищен, ибо это был покой, приходящий вместе со смертью. Я схватила

Лотти за руку, даже не пытаясь вытирать слезы. Ни она, ни я не могли аплодировать вместе со всеми.

Майкл и Орь поклонились и исчезли со сцены; несмотря на то что аплодисменты продолжались несколько минут и были куда более громкими, чем те, что последовали за «Вариациями на тему „Дон-Кихота“», в реакции зала не было той живой искорки, которая показала бы, что слушатели поняли произведение. Исполнители больше не появились, но на сцену вышел детский хор, который должен был исполнить завершающий номер в сегодняшнем концерте.

Как и Лотти, Макс был потрясен блестящей игрой своего сына. Я предложила им сразу же уехать, но они решили, что должны остаться на прием после концерта.

– Поскольку все это устраивается в честь Терезы, покажется странным, если Макс там не будет, тем более что Майкл – его сын, – сказала Лотти. – Но если ты хочешь уехать, Вик, то не беспокойся, мы доберемся на такси.

– Не говори ерунды, – отозвалась я. – Я постараюсь не терять вас из виду – вы дадите мне сигнал, когда соберетесь ехать.

– Но ты снова можешь увидеть Дика. Сумеешь ли ты побороть возбуждение? – Лотти постаралась скрыть свое волнение под сарказмом.

Я поцеловала ее в щеку.

– Сумею.

После этого я надолго потеряла ее из виду. Как только за-

кончился концерт, толпы людей устремились к лестницам. Когда Макс, Лотти и я наконец пробились в верхнее фойе, нас тут же разделил людской поток. Вместо того чтобы пробиваться к ним через толпу, я подошла к балюстраде, надеясь увидеть, куда они направились. Это было безнадежно: Лотти ростом всего пять футов, а Макс выше ее лишь на несколько дюймов. После того как они наконец попали в фойе, я потеряла их из виду в считанные секунды.

Пока шла вторая часть концерта, в вестибюле был устроен буфет. Четыре огромных стола, образующих огромный прямоугольник, были завалены фантастическим количеством съестного. Там были и уложенные горками креветки, и громадные вазы с клубникой, пирожными, булочками, салатами, и большие блюда с устрицами. Вдоль коротких сторон прямоугольника располагались горячие блюда. Со своего наблюдательного поста я не могла разглядеть, из чего же они состояли, но мне казалось, что сдобные булочки и куриная печенка теснились рядом с жареными грибами и пирожками. В середине двух длинных сторон прямоугольника мужчины в белых колпаках заносили ножи над огромными кусками говядины и ветчины.

Люди, потеряв голову, бросились к столам, стремясь добраться до еды прежде, чем она исчезнет. В первой людской волне, хлынувшей к горам креветок, я заметила бронзовую кирасу Тэри. Она двигалась в кильватере Дика, а он хватал креветки с неистовством человека, который боится, что у

него отнимут честно причитающуюся ему долю, если он не ухватит ее поскорее. Набивая рот креветками, он важно беседовал о чем-то с двумя мужчинами в вечерних костюмах, которые, в свою очередь, увлеченно поглощали устриц. Медленно продвигаясь к центру стола, где находился ростбиф, они то и дело прерывали свой разговор, кидаясь на маслины, пирожки, зелень – на все, что попадалось им на пути. Тэри продвигалась следом, видимо беседуя с женщиной в голубом вечернем платье, густо расшитом жемчужинами.

– Я чувствую себя фараоном, наблюдающим картину нашествия саранчи, – произнес за моей спиной знакомый голос.

Я обернулась и увидела Фримэна Картера – адвоката из «Кроуфорд, Мид», который номинально считался специалистом по уголовным делам. Я улыбнулась и положила руку на изящный лацкан его смокинга. Наше знакомство восходило к тем временам, когда еще я вслед за Диком пробивалась через толпу на приемах и вечеринках их фирмы. Фримен был единственным партнером в фирме, который разговаривал с женщинами, не подчеркивая, какую великую честь он им этим оказывает, поэтому я стала обращаться к нему, если у меня возникали собственные юридические проблемы, в те времена, когда система, казалось, стремилась искалечить меня.

– Что ты здесь делаешь? – воскликнула я. – Я вовсе не ожидала увидеть кого-нибудь из знакомых.

– Меня привела сюда любовь к музыке, – сардонически улыбнулся Фримэн. – А ты как сюда попала? Кого-кого, а тебя-то я меньше всего ожидал увидеть на мероприятии за сто пятьдесят баксов с персоны.

– Все та же любовь к музыке, – торжественным тоном передразнила его я. – Виолончелист – сын моего друга. Мне очень неудобно признаваться в том, что я нахлебница, а не поддерживаю благотворительность.

– Не беспокойся, кажется, «Кроуфорд, Мид» решили опекавать «Чикаго сеттлмент». Всех партнеров сагитировали купить по пять билетов. Я подумал, что из чувства солидарности я должен принять участие в этом мероприятии, – это будет моим последним жестом доброй воли в адрес фирмы.

Мои брови сами собой поползли вверх.

– Ты уходишь из фирмы? Когда? Что ты будешь делать?

Фримэн осторожно оглянулся:

– Я им еще не говорил об этом, так что держи это при себе, но мне пора переходить к собственной практике. Уголовное право никогда не имело большого значения в «Кроуфорд, Мид» – еще несколько лет назад я знал, что мне следует перерубить все связи, но в большой фирме всегда так много и случайных приработков, что я просто плыл по течению. Сейчас фирма так быстро разрастается и так стремительно уходит от той деятельности, которую я считаю важной, что настало время уходить. Я извещу тебя в официальном порядке – извещу всех моих клиентов, – когда открою

собственную практику.

Вокруг нас стояли, беседуя, группы людей, не выражавших желания ввязываться в свалку внизу. Фримэн постоянно оглядывал их, желая удостовериться, что нас никто не подслушает, и наконец внезапно сменил тему:

– Где-то здесь моя дочь со своим приятелем. Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь снова их увидеть.

– Да, у меня точно такие же сомнения насчет той пары, с которой я пришла. Они не отличаются высоким ростом, и я никогда не найду их, если полезу в эту свалку. Вот, оказывается, что привело сюда Дика. Я бы поместила беженцев где-то в конце списка тех, ради кого он бы раскошелился, знаешь, примерно там же, где женщины, больные СПИДом. Но раз фирма поддерживает «Чикаго сэтлмент», полагаю, он должен быть в первых рядах ее сторонников.

Фримэн улыбнулся:

– Я не буду давать комментарии по этому поводу, Варшавски. Все-таки мы с ним пока еще партнеры.

– Он не привносит в бизнес то, что тебе нравится?

– Звучит не слишком обнадеживающе. Дик много сделал, чтобы вдохнуть новую жизнь в «Кроуфорд, Мид». – Он поднял руку, чтобы предупредить мои возражения. – Я знаю, что ты терпеть не можешь тот род юридической практики, которым он занимается. Я знаю, ты любишь разбитые машины и высмеиваешь его немецкие спортивные модели...

– Я больше не езжу на разбитых машинах, – с достоин-

ством прервала я его. – У меня «транс-ам» 1989 года, и его корпус до сих пор блестит, несмотря на то, что я держу его на улице, а не в гараже на шесть машин в «Оук-Бруке».

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но иногда Дик думает о том, не совершил ли он ошибку, – может быть, это ты работаешь так, как нужно, а не он.

– Я знаю, что ты не пил, потому что не чувствую запаха в твоём дыхании, так что, наверное, ты и в самом деле сунул свой нос в это дело.

Фримэн снова улыбнулся:

– Это происходит не часто, но парень довольно много думал о тебе, раз когда-то на тебе женился.

– Не пытайся пробудить во мне сентиментальность, Фримэн. Или ты полагаешь, что и я время от времени думаю, что он, а не я работает так, как надо? Сколько женщин сейчас состоят партнерами в «Кроуфорд»? Три, не так ли, из девятиности восьми человек? Да, иногда я проникаюсь желанием зарабатывать столько же, сколько Дик, но еще ни разу не случилось, чтобы я захотела претерпеть ради этого все то, что приходится претерпевать женщинам в такой фирме, как ваша.

Фримэн картинно улыбнулся и просунул мою руку себе под локоть:

– Я пришел сюда не затем, чтобы отчуждать самого деятельного из моих клиентов. Пойдем, святая Иоанна. Я расчищу перед тобой дорогу к буфету и добуду тебе бокал шам-

панского.

За те несколько минут, что мы разговаривали, горы кроветок исчезли, равно как и большая часть клубники. Лишь куски говядины, казалось, не сдавались. Когда мы спускались по лестнице, я оглядела толпу, но не смогла найти ни Лотти, ни Макса. Бронзовое платье Тэри тоже исчезло.

Я пыталась держаться поближе к Фримэну, но, как только мы достигли первого этажа, это оказалось невозможным. Кто-то, прокладывая себе путь, врезался между нами и оторвал от него мою руку. Я пыталась протолкнуться сквозь толпу, следя взглядом за его золотистым, коротко подстриженным затылком. Но тут передо мной возникла женщина в розовом атласном платье с развевающимися крылышками, как у бабочки, которые требовали не меньше метра свободного пространства, и я окончательно потеряла своего спутника из виду.

Некоторое время я двигалась только в водовороте толпы. Вокруг стоял шум голосов, эхом отражавшийся от мраморных колонн и пола. От этого в голове у меня тоже стоял равномерный гул. Невозможно было сосредоточиться на какой-нибудь определенной цели, например найти Лотти. Вся моя энергия уходила на то, чтобы защитить мозг от этого непрерывного шума. Вряд ли кто-то мог поддерживать непринужденную беседу в этом логовище львов – похоже, все кричали просто ради удовольствия добавить немного к этому реву.

В какой-то момент толпа вынесла меня к столам с закуской. Лица мужчин, стоявших за кусками мяса на своем маленьком островке, не выражали ничего, двигались лишь их руки, отрезая ломти и подавая их гостям. Креветок больше не осталось, как, впрочем, и горячих блюд. Кроме окороков, уже обрезанных почти до костей, на столе стояли только остатки салатов.

Я снова нырнула в самую гущу толпы и стала пробивать себе путь в зал, навстречу общему потоку. Немыслимым образом работая локтями, я очутилась около колонн, отделяющих вход в зал от фойе. Здесь толпа была намного реже; люди, которые хотели поговорить, могли хотя бы наклонить друг к другу головы достаточно близко, чтобы слышать друг друга. Майкл и Орь были окружены пятью или шестью серьезного вида мужчинами. Я прошла мимо них, не рискуя заговорить, поскольку это могли оказаться главные жертвователи, и проскользнула в зрительный зал.

Дик стоял там сразу за дверью справа от меня и разговаривал с женщиной лет шестидесяти. Хотя я и знала, что он здесь, все равно, когда я увидела его так близко, у меня душа ушла в пятки. Но это было не романтическое волнение, а мгновенный удар, подобный тому, что испытываешь, проскользнув на гладком полу. Дик, казалось, тоже был потрясен – он на полуслове оборвал гладкую фразу и уставился на меня.

– Привет, Дик, – слабым голосом проговорила я. – Нико-

гда не знала, что ты так любишь игру на виолончели.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он строго.

– Я нанялась сюда подметать зал. Сейчас я вынуждена хвататься за любую работу.

Собеседник Дика смотрел на меня с нескрываемым нетерпением. Его не волновало, кто я такая и что здесь делаю, лишь бы я побыстрее убралась отсюда. Он также не обращал никакого внимания на детский хор: освобожденные от тяжелой обязанности походить на ангелов, дети гонялись друг за другом по рядам, дико визжали и кидались друг в друга булочками и объедками пирогов.

– Да, но знаешь, мы еще не закончили. Может быть, ты начнешь работу с дальнего конца зала? – Дик никогда не возражал против шуток, если только эти шутки не касались его самого.

– Дела чрезвычайной важности? – Я попыталась придать своему голосу оттенок смиренного восхищения. – Может быть, я могла бы, глядя на тебя, поучиться и получить повышение по службе, до уборщицы туалетов или чего-нибудь в этом роде.

Гладко выбритые щеки Дика вспыхнули. Он уже готов был бросить в ответ что-нибудь оскорбительное, но спохватился и разразился смехом:

– Когда это было – тринадцать, четырнадцать лет назад? – и ты все еще помнишь самый верный способ вывести меня из себя.

Он схватил меня за плечо и подтолкнул к своему собеседнику:

– Это Виктория Варшавски. В юридической школе мы с ней сделали большую ошибку, вообразив, будто влюблены друг в друга. Наши с Тэри дети все до одного должны будут поработать не меньше пяти лет, прежде чем я позволю им думать о супружестве. Вик, это Питер Фелитти, председатель «Амальгамейтид портедж».

Фелитти неохотно протянул руку – не потому ли, что я была предшественницей его дочери? Или ему не понравилось, что я прерываю разговор о важных финансовых делах?

– Я не помню подробностей вашего развода, – сказал Фелитти. – Вы с тех пор все еще платите за свои грехи, Ярборо?

Я стиснула пальцы Фелитти так, что он поморщился.

– Вовсе нет. Наоборот, это на мои алименты Дик купил себе долю в «Кроуфорд, Мид». Хотя теперь, когда он сам зарабатывает себе на хлеб, я пытаюсь добиться через суд освобождения от этой тяжелой обязанности.

Дик состроил мину:

– Правда, Вик? Я готов присягнуть перед лицом всего города, что ты никогда не просила ни цента. Она адвокат, – добавил он, обращаясь к Фелитти, – но работает как детектив.

Снова повернувшись ко мне, он скорбным тоном произнес:

– Теперь ты довольна? Можем мы с Питом закончить наш разговор?

Я выпутывалась из создавшегося положения со всем возможным достоинством, когда вошла Тэри, а следом за ней женщина в расшитом длинном платье из голубого атласа.

– Вот вы где, – весело сказала дама в голубом. – Хермон Лесснер очень хочет побеседовать с вами обоими. Теперь вы не сможете ускользнуть и заняться своими делами.

Тэри, прищурившись, смерила меня взглядом, пытаюсь определить, кто я – деловой партнер или ее конкурентка по части секса. От шампанского ее лицо порозовело, но и в такое позднее время ее макияж все еще был совершенным: тени на веках лежали именно там, где им полагалось, а не расплзлись по лицу; губная помада приглушенного бронзового оттенка, в тон платью, выглядела свежей и блестящей. Каштановые волосы, закрученные в сложный узел, лежали так, словно она только что вышла от парикмахера. Ни завитка, ни выбившегося из прически локона на шее – ничто не портило впечатления.

Даже не глядя в зеркало, я знала, что к этому времени моя помада стерлась с губ, а стриженные кудри давным-давно растрепались. Мне хотелось думать, что я куда более интересна как личность, но Дика нисколько не интересовала личность женщин. Мне даже захотелось сказать Тэри, чтобы она не беспокоилась, что она прекрасно выглядит и выйдет сегодня победительницей из любого состязания, но я только помахала всем четверым рукой и, не сказав ни слова, направилась к дальней двери.

Когда я наконец отыскала Лотти, было уже за полночь. Она сидела одна, совершенно разбитая, в углу вестибюля, охватив себя руками.

– Где Макс? – резко спросила я, притягивая ее к себе. – Тебе нужно поехать домой и лечь в постель. Я пойду найду его и подгоню машину.

– Он уехал с Орью и Майклом. Ты ведь знаешь, они живут у него. Правда, Вик, со мной все в порядке. Просто концерт пробудил старые воспоминания. И пока я ждала, они стали посещать меня. Я пройду с тобой до машины вместе с тобой. Свежий воздух пойдет мне на пользу.

– А вы с Максом не повздорили? – Я совершенно не собиралась этого говорить, но слова выскочили как-то сами собой.

Лотти поморщилась:

– Макс думает, что я плохо поступаю с Кэрол. Возможно, это так и есть.

Я придержала перед ней вращающуюся дверь:

– А что с ней случилось?

– Разве ты не знаешь? Она увольняется. Не то чтобы я переживала из-за этого. То есть, конечно, я переживаю – мы проработали с ней вместе восемь лет. У меня такое чувство, будто меня лишили чего-то важного и дорогого мне, но я не стала бы ее останавливать, если бы она нашла для себя лучшую работу, с новыми возможностями. Но дело все в том, из-за чего она решила уйти. Я просто с ума схожу оттого,

что она позволяет своей семье распоряжаться ее жизнью – даже сейчас, – а Макс говорит, что у меня нет ни капли сочувствия! Что же это, я тебя спрашиваю!

Пока мы ехали домой, она решительным тоном говорила только о концерте и о том, какие едкие замечания отпускала бы Тереза в адрес тех далеких от музыки выскочек, которые все сбежались на концерт, посвященный ее памяти. Только когда я остановила машину у двери ее дома, я смогла вернуться к разговору о Кэрол.

– Что она будет делать? Разве ты не знаешь? Она собирается сидеть дома и ухаживать за каким-то чертовым кузеном своей ненормальной матери. Он заразился СПИДом, и Кэрол считает, что ее долг – заботиться о нем.

Она с силой хлопнула дверцей моей машины и проскользнула в парадную дверь своего дома. Я почувствовала, как холодные пальцы депрессии вцепились в мои плечи. Бедная Кэрол. Бедная Лотти. И бедная я: я не хотела оказаться между ними. Я подождала, пока не загорится свет в гостиной Лотти, и снова включила зажигание «транс-ам».

Глава 4

Яичница и хлебная водка

Я плохо спала этой ночью. Воспоминание о Лотти, дрожащей в темноте от печальных мыслей о своих погибших родных, вновь вызывало к жизни ночные кошмары, связанные с последней болезнью моей матери. Я приближалась к кровати Габриэлы, спрятанной в лабиринте из трубок и баллонов с кислородом, а видела высоко на подушках лицо Лотти. Она посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом, потом отвернулась. Я почувствовала, что меня окутывает какая-то пелена; я не могла ни пошевелиться, ни заговорить. Когда зазвонил дверной звонок, возвращая меня к действительности, я проснулась с чувством облегчения.

Во сне я плакала. С трудом протирая от слез глаза и пошатываясь, я направилась к двери, и тут снова раздался звонок. Это был звонок у самой моей двери, а не внизу, в вестибюле. Но я все еще плохо видела и не могла разглядеть в «глазок», кто именно стоит по ту сторону двери.

– Кто там? – хрипло крикнула я в дверную щель.

Я приложила ухо к косяку. Сначала я могла различить только бессмысленное бормотание, но наконец я поняла, что это мистер Контрерас.

Я отодвинула засов и открыла дверь на цепочку.

– Одну минутку, – прохрипела я. – Мне нужно что-нибудь на себя накинуть.

– Мне очень жаль, что я разбудил вас, дочка, я хочу сказать, что сейчас половина десятого, вот и все, а обычно вы встаете куда раньше и к этому времени уже давно на ногах, но вы, наверное, поздно вернулись, и, конечно, тогда я пришел слишком рано, я только вывел ее высочество и...

Я захлопнула перед ним дверь и, спотыкаясь, пошла в ванную. Я не торопилась выходить из душа. Если бы с Пеппи случилось что-то серьезное, он начал бы прямо с этого. Сейчас же, без всякого сомнения, он пришел из-за какой-нибудь мелочи, либо кто-то из щенков не сосет, либо она отказалась от предложенной ей яичницы с ветчиной.

Прежде чем спуститься вниз, я сварила себе чашку крепкого кофе и, обжигаясь, выпила ее большими глотками. От этого я не почувствовала себя ни отдохнувшей, ни посвежевшей, но теперь я могла хотя бы без происшествий спуститься по лестнице.

Мистер Контрерас выскочил в коридор, как только я позвонила в дверь:

– Ох, ну наконец-то! Я уже начал думать, что вы снова легли в постель, и не хотел больше вас беспокоить. Я думал, что раз вы вчера вечером были с доктором, то не должны были вернуться так поздно, но вы небось поехали еще к кому-нибудь из ваших знакомых.

Его постоянное вмешательство в мою личную жизнь ино-

гда доводило меня до белого каления. Из-за того, что я не выспалась, раздражение проявилось намного раньше, чем обычно.

– Хотя бы раз, просто ради эксперимента, можете вы сделать вид, что моя личная жизнь – это мое дело? Расскажите мне, как дела у Пеппи и почему вам понадобилось приходить и будить меня.

Он картинно всплеснул руками:

– Не нужно злиться на меня, дочка. Я знаю, что у вас есть своя личная жизнь. Поэтому-то я и ждал до половины десятого. Но я хотел знать наверняка, что сумею поговорить с вами, прежде чем вы уйдете из дому, вот и все. Не сердитесь на меня так.

– Хорошо, я не сержусь. – Я постаралась говорить спокойно. – Расскажите, как чувствует себя ее собачье величество. И как малыши?

– Все в порядке. Наша принцесса просто герой, вы и без меня это прекрасно знаете. Хотите ее повидать? А руки у вас чистые?

– Я только что выскребла себя снаружи и изнутри так, что теперь скриплю, и на мне чистые джинсы, – торжественно произнесла я.

Мистер Контрерас провел меня в гостиную. Пеппи все еще лежала за софой, но старик вычистил ее гнездышко и сменил подстилку, положив ей кучу мягких тряпок. Около ее сосков толкались и извивались восемь пушистых комоч-

ков, слабо взвизгивая, если кого-то из них отталкивал более напористый жадина. Пеппи посмотрела на меня и вильнула хвостом, показывая, что мы остаемся друзьями, но все ее внимание было обращено на малышей – они были еще совсем слепые и беспомощные и не могли обойтись без нее.

– Время от времени она встает, чтобы выйти на улицу, но не больше чем на полминуты, а потом возвращается на свое место. Вот молодец! Подумать только! – Мистер Контрерас причмокнул. – Конечно, я кормлю ее регулярно, как сказал доктор, так что вы можете о ней не беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь.

Я осторожно опустилась на колени рядом с мамашей и медленно протянула руку за кушетку, чтобы Пеппи могла зарычать на меня, если сочтет нужным.

Она настороженно смотрела, как я трогала ее детенышей. Мне очень хотелось подержать одного – их крошечные тельца как раз умещались у меня на ладони, – но я не хотела тревожить Пеппи. Она, казалось, вздохнула с облегчением, когда я встала.

– Так из-за чего же весь сыр-бор? – спросила я. – Ваш старый приятель стянул Кларино серебро или еще что-то случилось?

Покойная жена мистера Контрераса оставила после себя пару подсвечников и серебряную солонку, которыми он никогда не пользовался, но все же не мог заставить себя отдать их дочери.

– Да нет, ничего такого. Но я хочу, чтобы вы поговорили с ним. У него есть что-то на уме, и он хочет проверить с этим какую-то штуку. У меня нет времени выяснять, чем он там занимается. А потом, для принцессы нет ничего хорошего в том, что он пьянствует возле ее малышей, а потом всю ночь храпит на кушетке прямо у нее над ухом. Сегодня я должен выселить его отсюда.

– Но, друг мой, я же не могу отправить парня к «Анонимным алкоголикам»³.

– А я вовсе не прошу вас об этом. Если уж говорить на чистоту, то вы перескакиваете к выводам быстрее, чем блоха успевает добраться до собачьей шкуры.

– Почему бы вам не сказать мне, в чем дело, вместо того чтобы ходить вокруг да около? Когда я вас слушаю, это мне напоминает комара, который целый час жужжит где-то вдалеке, а ты в это время гадаешь, где же он наконец сядет.

– Я не заслужил таких слов с вашей стороны, девочка, никак не заслужил. Не обижайтесь на меня, пожалуйста, но иногда вы бываете грубоваты.

Я закатила глаза к потолку, но сдержалась и проглотила ответную колкость. Если бы мы стали продолжать в том же духе, то я проторчала бы здесь до вечера, а я отнюдь не собиралась тратить на эту ерунду целый день.

– Так что, по-вашему, случилось у мистера Крюгера? –

³ «Анонимные алкоголики» – добровольное общество, объединяющее тех, кто хочет вылечиться от алкоголизма.

спросила я, решив сразу перейти к делу.

Мистер Контрерас почесал в затылке:

– Этого я как раз точно и не знаю. Я думал, что, может быть, вы бы поговорили с ним, раз уж вы опытный детектив, ну и вообще. Понимаете, мы в свое время работали вместе в «Даймонд хэд» – знаете, производство двигателей на Дэй-мен, около реки. Потом мы ушли на пенсию, но мы выбрали неудачный год для этого, семьдесят девятый, когда инфляция резко выросла, и наших пенсий, которые в свое время казались неплохими, стало не хватать. Я не так уж сильно от этого пострадал, потому что у меня был собственный дом, а потом, когда умерла Клара, я купил эту вот квартиру, но Митч пропил все свои деньги, и ему никогда не везло в жизни, как мне. Или, вернее сказать, он не мог так держать себя в руках, как я.

При этих словах мистер Контрерас направился в кухню, как будто в этом крылось какое-то объяснение.

– Прошу прощения, – сказала я. – Я сегодня не выспалась и никак не могу уловить вашу мысль.

Мистер Контрерас остановился и поглядел на меня с явным раздражением.

– Конечно же, поэтому ему нужны деньги, – объяснил он.

– Разумеется, – согласилась я, стараясь говорить спокойно и не выразить охватившую меня досаду. – И что он такое предпринимает, чтобы добыть деньги, что привело вас в такое расстройство? Он что, грабит магазины?

– Конечно же нет, дочка. Подумайте чуть-чуть. Неужели бы я пустил к себе в дом такого человека? – Он некоторое время молчал, обиженно втянув щеки. – Беда в том, что я не знаю, что он такое может делать. Все то время, что я его знаю, а я знаю его уже очень давно, Митч вечно вынашивает какие-то планы. А сейчас он думает, что нашел способ заставить «Даймонд хэд» снова внести его в платежную ведомость. – Мистер Контрерас фыркнул. – Что это такое, я вас спрашиваю? И ведь никого из знакомых нам ребят там уже нет. Они все ушли на пенсию, или их уволили, или еще что-нибудь. Между нами говоря, и его бы не держали там последние три года, если бы у нас не было такого сильного профсоюза. Но сейчас-то что? На что он может рассчитывать в его состоянии, когда кругом ребята вдвое моложе нас обивают пороги всех предприятий в надежде, что их возьмут работать на станке? Но он разводит вокруг этого такую таинственность, так что я и подумал о вас. Если где-то есть тайна, я знаю, вы любите сунуть туда свой нос.

Что-то в этой истории показалось мне неправдоподобным. Я протерла глаза в надежде расшевелить мой окоченевший мозг.

– Что именно вы хотите знать? Почему вас так волнует, что Крюгер пойдет просить милостыню у «Даймонд хэд»?

Мистер Контрерас вытащил свой огромный красный носовой платок и вытер нос:

– Мы с Митчем выросли вместе в Мак-Кинли-парк. Мы

вместе ходили в школу, были в одной шайке, дрались с одними и теми же парнями и все такое прочее. Мы даже подписали наши трудовые соглашения в один и тот же день. Да, он ничего особенного собой не представляет, но, кроме него, от тех давних времен у меня почти ничего не осталось. Я вообще не хочу, чтобы он корчил из себя дурацкого шута перед боссами. Я хочу знать, что он задумал.

Он говорил быстро, проглатывая слова, так что мне приходилось все время напрягать слух. Казалось, он боялся, что его сочтут сентиментальным или упрекнут в излишней привязанности к Крюгеру. Меня тронули и его чувства, и его неловкое смущение.

– Я не могу вам ничего обещать, но, по меньшей мере, я могла бы с ним поговорить.

Мистер Контрерас наконец высморкался в последний раз с трубным звуком:

– Я знал, что могу рассчитывать на вас, дочка.

Он оставил Митча Крюгера в кухне за чтением «Сан-Таймс», но когда мы туда вошли, задняя дверь была открыта и его друга нигде не было видно. Перед газетой стояла тарелка с яичницей, на которой блестело застывшее сало. Похоже было, что Крюгер успел съесть всего несколько кусочков, когда что-то заставило его выйти прогуляться.

– У него какие-то проблемы, не так ли? – приветливым тоном спросила я.

Полные губы мистера Контрераса сжались в тонкую твер-

дую линию.

– Я сотни раз говорил ему, чтобы он не уходил и не остав- лял дверь открытой. Здесь вам не дорогой район, где людей, входящих к вам через заднюю дверь, можно было бы при- гласить войти через парадную, если бы вам это пришло в го- лову.

Он подошел к двери, чтобы закрыть ее, но вдруг распах- нул ее шире:

– Так вот ты где, Крюгер! Я привел мою соседку, посмот- рим, сможет ли она разобраться, что ты такое замышляешь. Я говорил тебе, она детектив – Вик Варшавски. От тебя все- го-то и требовалось только, чтобы ты не отрывал свою зад- ницу от стула, ел себе яичницу и ждал ее прихода. Неужто это так было трудно?

Крюгер как-то неопределенно улыбнулся. Было совер- шенно очевидно, что он прогулялся в заведение Фрэнки «Шорстоп-Инн» на углу, чтобы пропустить рюмочку-дру- гую. Судя по запаху, это был бурбон, но могла быть и хлеб- ная водка.

– Я говорил, чтобы ты не лез не в свое дело, Сэл, – про- бурчал Митч Крюгер.

Я не сразу вспомнила, что моего соседа зовут Сальваторе.

– Не желаю, чтобы всякие детективы совали свой нос в мои планы. Я не хочу обижать вас, – кивнул Крюгер в мою сторону, – но детективы – это значит копы, а от копов ничего хорошего ждать не приходится.

– Если бы ты не довел себя до такого состояния, ты бы сам мог сообразить, – проговорил мистер Контрерас, явно уставший от выходок своего приятеля. – Перво-наперво ты выпил у меня остатки граппы, и мало того, ты с утра пораньше уже успел где-то надраться. Она не коп. Ты ее знаешь – мы помогли ей пару лет назад, вывели этих бандитов из клиники доктора. Ты-то должен помнить.

Лицо Крюгера озарилось радостной улыбкой.

– О, это было здорово. После такого случая мне ни разу не приходилось участвовать в хорошей драке. Вам надо еще помочь, юная леди? Ведь вы за этим сюда пришли?

Я внимательно поглядела на него: он вовсе не настолько был пьян, как хотел казаться. Если он выпил все запасы спиртного мистера Контрераса и после этого у него достало сил отправиться еще за выпивкой, то уж точно – у него была крепкая голова.

– Послушай, Митч. Вчера весь вечер ты разглагольствовал о том, как ты собираешься что-то там сунуть боссам под нос, все им объяснить, хотя я понятия не имею, о чем шла речь. Сдается мне, что с нами заключили неплохую сделку, даже если нам и приходилось из-за этого отчаянно драться на каждом шагу.

Мистер Контрерас повернулся ко мне:

– Мне очень жаль, дочка. Жаль, что я вытащил вас из постели только для того, чтобы вы посмотрели на Крюгера, который ведет себя как призовой индюк, ждущий, когда объ-

вяют о его казни в День благодарения⁴.

При этих словах Крюгер весь ощетинился:

– Я тебе не индюк, Сэл. Зря ты не веришь, что я знаю, о чем говорю. И если ты думаешь, что это была хорошая сделка, то в таком случае ты просто штрейкбрехер и подхалим. Сколько сейчас получают парни? Они вынуждены соглашаться на то, чтобы урезали их заработок, ради того, чтобы не потерять работу, а начальники разъезжают в японских автомобилях и веселятся, потому что они делают все, что могут, чтобы оставить без работы побольше американцев. Я говорю только, что могу положить конец всему этому дерьму собачьему. Тебе жалко для меня выпивки, ну и ладно. Вот я принесу тебе «Мартель» и «Курвуазье», и тебе не придется никогда больше пить тот скипидар, который ты сейчас лакаешь.

– Это не скипидар, – бросил в ответ мистер Контрерас. – Это пил еще мой отец, а до него – мой дед.

Крюгер подмигнул мне:

– Да, и посмотри, что с ними случилось. Оба померли, верно? Послушай, Сэл, не стоит надоедать юной леди. Я знаю то, что я знаю, и здесь нет ничего, что бы ей нужно было расследовать, или что ты там от нее хочешь. Но слушай, Вик, – прибавил он, – если вам понадобится какая-нибудь помощь в драке, только дайте мне знать. Уже давно я не получал та-

⁴ *День благодарения* – государственный праздник США в честь первых колонистов Массачусетса (отмечается в последний четверг ноября).

кого удовольствия, как в тот раз, когда мы с Сэлом пошли помочь вам и вашему другу доктору.

Он совершенно точно был не так пьян, как хотел нам показать, раз смог ухватить мое имя из обличительной речи мистера Контрераса и не забыть его.

– Насколько я понимаю, я здесь больше не нужна, – сказала я моему соседу, прервав перечисление тех многочисленных случаев, в которых Митч Крюгер был не прав. Начиная с того, что Крюгер собирался втихомолку подпоить мистера Контрераса на его – мистера Контрераса – пятидесятилетнем юбилее, и его – Крюгера – разочарования, когда это не вышло, кончая ошибкой Крюгера, когда он поставил на Лихую Бетти против Дикой Розы в Хоторне в семьдесят пятом году.

Мистер Контрерас нахмурился, услышав мои слова, но не пытался меня останавливать, когда я направилась к задней двери, чтобы подняться в свою квартиру. Приготовив свежий кофе, я бегло обдумала ситуацию с Крюгером. Я не была в восторге от его пространных намеков на некое должностное преступление в «Даймонд хэд». Он просто ходил вокруг да около, надеясь, что ему что-нибудь да перепадет, но ему было слишком стыдно признать это. Если бы ему решительно отказали, он бы к своим жалобам прибавил еще и пьяную паранойю, пугая их страшной мстостью, которая никогда бы не свершилась.

Может быть, кто-то в «Даймонд хэд» и пустил налево имущество или какие-то инструменты, но ведь это не единствен-

ное предприятие в Чикаго, где случаются подобные вещи. Но если он думал, что в результате такого шантажа он сможет от них чего-то добиться, то это был типичный пьяный бред. А вероятнее всего, было то, что он сам придумал всю историю.

Глава 5

Суд Линча по-соседски

Когда я закончила все свои дела и собралась на пробежку в Белмонт, шел уже двенадцатый час. Мои кроссовки так износились, что я была вынуждена двигаться очень осторожно, чтобы не разбить колени. Если бегать так много, как я, то приходится покупать новую пару кроссовок каждые четыре месяца, а мои служили уже семь, и я собиралась дотянуть до девяти. Свободных денег у меня не было – все они ушли на оплату счетов от ветеринара Пеппи, так что я просто не могла себе позволить истратить девяносто баксов на новую пару.

Большинство моих сокурсников по школе к этому времени уже три часа, а то и больше, как сидели у себя в конторе. И, как совершенно справедливо предположил вчера Фримэн Картер, им не приходится откладывать покупку новой пары кроссовок из-за того, что их непутевые соседи спускают собаку с поводка, когда у нее течка.

Я остановилась напротив дома миссис Фризелл еще раз взглянуть на причину всех моих финансовых затруднений. Черный лабрадор и пушистый ушастый комочек скулили и скреблись у задней двери, но, завидя меня, бросились к парадному входу и принялись отчаянно лаять. Из дома под

дверь просунулись еще два черных носа, явно желая поддержать своих товарищей.

– Занялся бы ты чем-нибудь полезным. Раз уж завел семью, нужно ее кормить, – набросилась я на лабрадора. – Или хотя бы перепрыгни через забор и стащи мне у Тодда Пичи пару кроссовок.

Пичи был адвокатом и мечтал, чтобы ассоциация по благоустройству нашего квартала привлекла миссис Фризелл к суду. Его дом желтовато-коричневого цвета с ярко-красными и ярко-зелеными чешуйками, отреставрированный в безупречном викторианском стиле, и двор с цветущим кустарником и тщательно подстриженным газоном никак не гармонировали с заброшенным жилищем миссис Фризелл. Только дух противоречия заставил меня встать на ее сторону.

Лабрадор вильнул хвостом, выражая свое полное согласие, еще несколько раз гавкнул на меня, а затем вернулся на задний двор. Ушастый комочек последовал за ним. Не чувствуя особого беспокойства, я подумала: где же миссис Фризелл? Обычно она появлялась в окне за мордами своих собак и сердито грозила мне кулаком.

Пробежав свои пять миль до порта и обратно, я забыла и о старушке, и о ее собаках. Днем мне пришлось заняться обычной работой для своих постоянных клиентов, а в половине пятого позвонил один из них – Дэррой Грэхем. Ему нужна была информация о некоем Клинте Моссе, и не позднее завтрашнего дня. Я заскрипела зубами, но очень тихо,

потому как, кроме счетов от ветеринара и новой пары кроссовок, были еще взносы за «транс-ам» и квартплата, а Грэхем был моим постоянным клиентом и всегда хорошо платил. Я записала на бланк данные, которые он сообщил мне о Моссе, и пометила папку яркочерным маркером, чтобы утром она сразу бросилась мне в глаза. Это было все, что я могла сегодня сделать. Когда я печатала счета за две сделанные работы, снова зазвонил телефон. Трубку снимать не хотелось, но острое осознание того сложного финансового положения, в котором я оказалась, заставило меня ответить. Звонила Кэрол Альварадо. Я пожалела, что сняла трубку.

– Вик, можно я зайду к тебе вечером? Нужно поговорить.

Я снова закричала зубами, на этот раз значительно громче. В их споре с Лотти я не хотела принимать ничью сторону, сохранив тем самым дружеское отношение обеих. Но Кэрол очень просила, и я не могла отказать, вспомнив, как часто она выручала меня.

Кэрол приехала в восемь и привезла бутылку «Бароло». Без сестринской формы, в джинсах, она выглядела совсем маленькой и юной, как девочка-беспризорница. Я откупорила бутылку и наполнила два бокала.

– За давнюю дружбу, – кивнула я ей, подняв свой бокал.

– И за хороших друзей, – отозвалась она.

Несколько минут мы болтали о посторонних вещах, прежде чем она решилась заговорить о своих проблемах.

– Лотти сказала тебе, что я собираюсь сделать?

– Остаться дома и ухаживать за двоюродным братом твоей матери?

– Это еще не все. Гуиллермо очень сильно болел, у него была пневмония с осложнениями, он лежал в госпитале графства, но они не могут обеспечить ему круглосуточный уход. Мама хочет взять его домой, а я, конечно, буду помогать ей. Может быть, нам удастся поставить его на ноги, хотя бы на какое-то время. Лотти думает, что я бросаю ее и даже гублю свою жизнь...

Ее голос дрогнул, и она стала потирать пальцами ободок бокала из толстого прессованного стекла.

– А не лучше ли тебе взять отпуск и не уходить из больницы?

– Честно говоря, Вик, меня уже тошнит от этой клиники. Восемь лет я там вкалываю день и ночь напролет, а сейчас мне нужна какая-то перемена.

– Ну да, сидя дома и ухаживая за Гуиллермо, ты ее найдешь?

Она слегка покраснела:

– Не язви, Вик. Я знаю, вы с Лотти думаете, что в тридцать четыре года мне пора уже устроить собственную жизнь и уехать от матери. Но только я не считаю, как ты или Лотти, что семья – это камень на моей шее. И вообще, разве ты не жертвовала собой, когда в прошлом году присматривала за тетей Элиной? А ведь тебя тогда чуть не убили.

– Да, но я терпеть не могла это занятие, – произнесла я,

играя бахромой, свисающей со свободного стула. Вот что я бы еще сделала, работай я в солидной юридической фирме: купила бы новую мебель для гостиной. – Я ухаживала за своей мамой в пятнадцать лет, когда она умирала от рака, за отцом, который умер от эмфиземы десять лет спустя. И я снова бы это сделала, повторись все сначала. Но я не смогла бы заботиться так же о ком-то, кто мне не так дорог.

– Вот поэтому, Вик, ты и детектив, а не медсестра. – Я хотела было ответить, но она остановила меня, подняв руку. – Поверь мне, я не приношу себя в жертву. У меня больше нет сил оставаться в клинике. Мне нужна перемена обстановки, а Лотти не может этого понять. Она всю себя отдает работе и считает, что другие должны делать то же самое. У меня, по крайней мере, будет передышка, я смогу подумать и решить, что мне делать дальше.

– И ты хочешь, чтобы я объяснила это Лотти?

Я не осуждала Кэрол за ее желание оставить клинику. Проработав пять лет в конторе, где нагрузка была куда меньше, чем у Кэрол, я чувствовала себя совершенно истощенной. Но Лотти, конечно, считала, что ее предали. Единственными ее родственниками, пережившими Вторую мировую войну, были брат, живущий в Монреале, и дядя со стороны отца – Стефан, поэтому ей были неведомы те невидимые нити, которые связывают человека с семьей.

А может быть, она подсознательно завидовала тем, у кого в этом отношении было все в порядке.

Прежде чем я смогла развить эту ничего хорошего не обещающую мысль, раздался звонок в дверь. Сквозь «глазок» я разглядела мистера Контрераса и почувствовала, как во мне закипает кровь.

– Извините меня, дочка, я знаю, вы не любите, чтобы вас беспокоили, когда у вас гости, но...

– Вы совершенно правы. Я этого не люблю. И не могу припомнить ни одного случая, когда бы вы не появлялись именно в этот момент с видом оскорбленной невинности посмотреть, кто ко мне пришел. Вот смотрите, это Кэрол Альварадо, а не мужчина. Так что можете спуститься к себе и успокоиться, хорошо?

Он упер руки в бока и грозно посмотрел на меня:

– В последнее время, Вик, вы нехорошо себя ведете. Я хочу сказать, вы нахально разговариваете со мной. Если бы я оставил вас в покое, как вы всегда требуете, вы были бы уже давно мертвы. Может, вы этого и хотите, чтобы я оставил вас в покое и вас бы утопили в канаве или всадили в вас пулю.

Да, действительно, он спас мне жизнь и поэтому вообразил, что получил на меня право собственности. Но под его сердитым взглядом я не нашла в себе смелости ответить таким образом. Я не могла заставить себя попросить прощения, но спросила уже более миролюбивым тоном, что заставило его подняться на третий этаж.

Еще несколько секунд он дулся, но потом решил все рассказать.

– Это все тот адвокат, что живет выше по улице, этот Пичи. Он внизу пытается собрать народ, а Винни Боттоне, конечно, только рад ему помочь. Я был уверен, что вас это заинтересует.

– Для чего он собирает народ?

– Он хочет, чтобы приехали и забрали собак той старухи. Он говорит, что они уже целые сутки досаждают всей округе, а в ее доме на звонки никто не отвечает.

Я вспомнила, как меня удивило, что она не подошла к окну сегодня утром.

– А о самой миссис Фризелл этот парень не беспокоится?

– Вы думаете, с ней что-то случилось? – Глаза на его обветренном лице неимоверно расширились.

– Я ничего не думаю. Может быть, она знает, кто звонит, потому и не подходит к двери. Этот Пичи у нее уже в печенках сидит. С другой стороны, она могла и потерять сознание в ванне. Во всяком случае, прежде чем вызывать власти и увозить ее собак, нужно посмотреть, что с ней.

Он пошел за мной следом, когда я вернулась в гостиную обсудить ситуацию с Кэрол.

– Я пойду посмотрю, не случилось ли с ней чего-нибудь. Конечно, я только что учила тебя, что ты не в силах помогать всем вокруг, но там может понадобится медик, если вдруг с ней случился удар.

Кэрол криво улыбнулась:

– Ты хочешь выломать дверь и войти в чужой дом? В та-

ком случае я пойду с тобой, чтобы оказать ей первую помощь в случае чего.

Несколько лет назад полиция конфисковала у меня специальную отмычку, но зимой мне удалось приобрести несколько новых, значившихся как «экспонат», на одной конференции служб безопасности. Сегодня вечером, возможно, мне в первый раз придется воспользоваться ими. Меня охватила нервная дрожь. Я сунула отмычки в карман куртки, и мы втроем спустились вниз.

– Привет, Тодд, привет, Винни. Готовите суд Линча?

Они были похожи, как братья: примерно одинакового возраста – лет по тридцать пять, – с аккуратно подстриженными и уложенными волосами и честными открытыми лицами, теперь горевшими справедливым негодованием.

За спиной Пичи стояли две женщины, которые, как я вспомнила, жили в нашем квартале. Одна из них была полная блондинка лет пятидесяти – шестидесяти в черных вытянувшихся спортивных брюках. Другая дама могла бы составить ей достойную пару для картины под названием «Рэйсин-авеню: тогда и сейчас». Легинсы подчеркивали безупречные линии ее тренированного тела. Бриллианты, блестящие у нее в ушах, в невыгодном свете выставляли искусственный жемчуг блондинки, и вдобавок ко всему нетерпение, сквозившее во всех ее чертах, удивительным образом контрастировало с тупым выражением озабоченности, которое застыло на лице соседки.

Пичи еще больше нахмурился, услышав мой голос:

– Послушайте, Варшавски, я знаю, что вам нет равным счетом никакого дела до своей собственности, но вам бы следовало уважать права других.

– Вы абсолютно правы. Я довольно давно изучала конституционное право, но разве не указано в Четвертой поправке к Конституции, что миссис Фризелл имеет право на неприкосновенность в своем собственном доме.

Губы Пичи сжались в тонкую линию.

– Да, до тех пор, пока она не нарушает спокойствия общест-венности. Я понятия не имею, почему вы проявляете такое горячее участие в этой старушенции, но, если бы вы жили напротив и эти проклятые собаки будили бы вас чуть свет, вы бы очень скоро сменили тон.

– Ох, не знаю. Если бы вы оказались в таком положении, что и она, я бы, наверное, сумела вынести лай собак. Вы работаете в уважаемой юридической фирме, у вас многочис-ленные связи в судах, и вы хотите употребить всю вашу мощь на то, чтобы расправиться с беспомощной старой женщиной. Вы же знаете, она живет здесь очень давно – лет сорок или пятьдесят. Она не пыталась мешать вам, когда вы сюда все-лялись, а потом со своей перестройкой разрушили всю ее улицу. Почему бы вам не ответить ей взаимностью?

– Вот это правильно, – сердито вмешалась пожилая жен-щина. – Хэтти, Харриет, миссис Фризелл, она, конечно, не самая лучшая соседка, но, по крайней мере, она не лезет в

ваши дела, пока вы не лезете в ее. Только я немного беспокоюсь, я не видела ее со вчерашнего утра, так что, когда я увидела, как этот джентльмен звонит в ее дверь, я пошла посмотреть, в чем дело...

– Вы сказали: «Разрушили улицу»? – резко бросила дама в легинсах. – Мы с Тоддом благоустроили этот крысиный квартал. Мы потратили сотню тысяч на то, чтобы привести в порядок этот дом и двор – если бы не мы, они выглядели бы так же ужасно, как и ее участок.

– Да, но вы вторглись в ее мир, пытаясь выжить ее из дома, усыпить собак и все такое прочее.

Прежде чем спор начал снова разгораться, Кэрол тронула меня за плечо.

– Пойдем посмотрим, дома ли эта леди и жива ли она. А выяснить, кто нанес улице большой ущерб, мы можем и потом, – сказала она.

Пожилая женщина благодарно улыбнулась ей:

– Да, конечно. Я вроде как беспокоюсь. Только она может нагрубить вам, если вы ее побеспокоите, но если мы пойдем все вместе...

Наша процессия медленно двинулась по тротуару.

– Я ее честно предупреждал, – сказал Пичи, обращаясь к Винни. – Если я еще раз услышу, как ее собаки после десяти часов лают на всю улицу, я приволоку эту старую перечницу в суд.

– И это позволит вам чувствовать себя настоящим муж-

чиной, так надо думать? – бросила я через плечо.

Пичи презрительно рассмеялся:

– Теперь я понял, почему вы так ее защищаете. Вы боитесь, что закончите свою жизнь такой же одинокой и полумной старухой и в восемьдесят пять лет у вас не останется никого, кроме своры вшивых собак.

– Слушайте, Пичи, если бы мне пришлось выбирать из таких, как вы, то я предпочла бы остаться в полном одиночестве до восьмидесяти пяти лет.

Кэрол схватила меня за руку и потянула вперед:

– Идем, Вик. Я не возражаю против того, чтобы помочь тебе, но я не собираюсь слушать всю эту чушь.

Я была в достаточной мере пристыжена, чтобы проигнорировать комментарии Пичи, – нарочито громким шепотом он сказал своей жене, что мне стоило бы заняться чем-нибудь полезным, – но не жалела, что вступилась за пожилую женщину. На самом деле я бы с удовольствием врезала ему как следует.

Глава 6

Потерпевшие крушение на Рэйсин-Авеню

Как только мы с Пичи прекратили препираться, мы слышали собачий лай. Глубокий бас лабрадора далеко разносился в вечернем воздухе; ушастый комочек вторил ему высоким голосом; троица в доме создавала им приглушенный аккомпанемент, и на весь этот концерт эхом откликались все прочие собаки с нашей улицы. Позади нас даже Пеппи оторвалась от своих малышей, чтобы пару раз гавкнуть. Так что миссис Фризелл, пожалуй, не была самой приятной соседкой на свете. Но почему, с другой стороны, чета Пичи не могла остановить свой выбор на Линкольн-Парке, где было для них самое подходящее место?

Когда мы открыли ворота во двор миссис Фризелл, лабрадор рванулся к нам и прыгнул на меня. Я схватила его за передние лапы, прежде чем он сбил меня с ног:

– Полегче, парень, полегче. Мы только хотим посмотреть, не случилось ли чего с твоей хозяйкой.

Я отпустила его и по невысоким ступенькам поднялась к двери. На крыльце я ушибла ногу о старую металлическую цепь и выругалась про себя. К счастью, мистер Контрерас захватил карманный фонарик. Он осветил на дверь, пока я

возилась с замком.

– Это болваны боятся собак, – проговорил он. – Боятся, что их застукают, когда они взламывают дверь в чужой дом. Этот адвокат из тех хитрецов, за которыми нужен глаз да глаз: он боится сам делать грязную работу, а вместо этого садится за телефон и находит кого-нибудь, кто бы это сделал.

– Да, – согласилась я. – Держите фонарь крепче, чтобы свет падал прямо сюда, ладно?

Чтобы открыть замок, мне понадобилось бы не больше тридцати секунд, если бы лабрадор не кидался все время мне в ноги, пока Кэрол не ухитрилась схватить его за загривок и оттащить в сторону. После этого мне приходилось сражаться только с неровным светом от фонарика мистера Контрераса, пока тот, все более распаляясь, выражал свое презрение к Тодду и Винни. В результате прошло добрых пять минут, прежде чем я наконец почувствовала, что щеколда отодвинулась.

Когда я открыла дверь, собаки, которые изо всех сил лаяли и скреблись внутри, вылетели прямо на нас. Я услышала, как позади меня вскрикнул кто-то из мужчин, а затем раздался собачий визг.

– Вы видели? – Я не могла сказать, кому принадлежал этот разъяренный вопль – Тодду или Винни. – Эта проклятая собачонка укусила меня.

– Пусть преступник выйдет вперед, чтобы получить в награду собачью галету и медаль, – тихонько проговорила я.

В доме стояла такая вонь, что мне захотелось обратиться оттуда как можно скорее. Я забрала фонарик у мистера Контрераса и посветила им вокруг двери в надежде найти выключатель. Собаки, которые были заперты в доме, справляли свою нужду около двери, и я вовсе не хотела наступить ногой в их лужу. Мне не удалось найти выключатель, поэтому я, как могла, точно определила размер лужи и прыгнула через нее.

– Миссис Фризелл! Миссис Фризелл! Вы дома?

Ее соседка, которая нерешительно стояла перед домом, пока я возилась с замком, вошла вместе с Кэрол, прищелкивая языком и выражая невнятными звуками свое беспокойство. Собаки ворвались следом за нами, разбрызгивая лужу у двери.

– Миссис Фризелл! Это я, миссис Хеллстром. Мы только хотим убедиться, что с вами все в порядке.

В гостиной миссис Хеллстром нашла лампу. При ее слабом свете мне наконец удалось отыскать выключатель в холле. С тех пор как миссис Фризелл посещало желание что-либо почистить, прошло немало времени. Пыль превратилась в толстый слой грязи; влажные подошвы нашей обуви сделали из этой грязи слякоть. Тем не менее, несмотря на вонь и ужасающий беспорядок, было ясно, что единственным местом в доме, где гадили собаки, был порог. Она заботилась о них, даже если совершенно не заботилась о себе.

Следом за лабрадором я поднялась по лестнице, освещая

фонарем потертый ковер и задыхаясь и чихая от пыли. Пес провел меня в ванную комнату. Миссис Фризелл лежала на полу; на ней не было ничего, кроме наброшенного полотенца.

Я повернула выключатель, но лампочка перегорела. Я крикнула Кэрол, что нашла миссис Фризелл, и опустилась на колени, пытаясь нащупать ее пульс. Лабрадор энергично лизал ей лицо и рычал на меня, но все же не пытался укусить. Только когда Кэрол и миссис Хеллстром поднялись ко мне, я почувствовала слабое биение пульса.

– Брюс, – слабо проговорила миссис Фризелл, когда я вставала с колен. – Брюс, не оставляй меня.

– Нет, дорогая, – сказала миссис Хеллстром. – Он вас не оставит. Скоро вы снова будете в порядке, вы просто неудачно упали.

– Вик, нельзя ли здесь прибавить света? – отрывисто проговорила Кэрол. – И вызови скорую. Ее нужно отвезти в больницу.

Я протиснулась в дверь между остальными собаками, сгрудившимися в дверном проеме, и отыскала спальню старухи. Войдя, я споткнулась и упала на груды матрасов и подушек, разбросанных по полу. Я решила, что они были положены здесь для собак, хотя я вполне могла допустить, что собаки спали на кровати со своей хозяйкой. Я вывернула двадцативаттовую лампочку из ночника без абажура у кровати и принесла ее в ванную.

– Вик, принеси одеяла и вызови наконец скорую, – проговорила Кэрол, не поднимая головы.

– Миссис Хеллстром, не могли бы вы принести какие-нибудь одеяла, пока я найду телефон?

Миссис Хеллстром была рада сделать что-нибудь, но, когда она увидела одеяла миссис Фризелл, она беспомощно прищелкнула языком:

– Какие же они грязные! Мне, наверное, лучше сходить домой и принести что-нибудь почище.

– Думаю, что сейчас важно ее согреть. Вряд ли она станет грязнее от этих одеял, раз она весь день пролежала на полу в ванной.

Внизу я обнаружила мистера Контрераса, который пытался по возможности навести порядок около входной двери.

– Вы нашли ее, дочка? Она жива?

Я коротко рассказала ему, что произошло, пытаюсь тем временем найти телефон. Наконец я обнаружила черный старомодный аппарат, запрятанный под кучей газет в гостиной. Диск поворачивался туго, но телефон работал. Значит, старуха все-таки осознавала, в каком мире она живет, – по крайней мере, настолько, чтобы оплачивать свои счета.

Я набрала номер скорой помощи и объяснила им ситуацию, потом пошла на кухню в надежде найти какое-нибудь чистящее средство. Важно было, чтобы Тодд Пичи и Винни не узнали, что собаки испражнялись в доме. Хотя всякий, кто дал бы себе труд задуматься, неизбежно понял бы, что

им больше ничего не оставалось. Даже прекрасно воспитанная собака не смогла бы сдерживаться в течение двадцати четырех часов.

Я нашла собачью миску для воды и бутылку засохшего жидкого мыла. Вытащив из бутылки полную ложку этой массы, я размешала ее в воду и принялась тереть пол кухонным полотенцем, которое я нашла в глубине буфета. Кухня была в таком же плачевном состоянии, что и холл, так что я опустошила еще одну собачью миску, развела в ней мыло и отдала все это мистеру Контрерасу. К тому времени, как приехала скорая помощь в сопровождении двух полицейских машин, нам удалось более или менее навести порядок. Санитары с носилками, поднимаясь по лестнице, отворачивали носы от клубов пыли, но, во всяком случае, они не смогли бы теперь сообщить властям, что весь дом загажен собаками.

– Вы ее дочь? – спросил меня один из полицейских, когда санитары сносили вниз миссис Фризелл.

– Нет. Мы ее соседи, – сказала я. – Мы забеспокоились, потому что не видели ее несколько дней.

– У нее есть дети?

– Только один сын. Он живет в Сан-Франциско, но время от времени приезжает навестить ее. Он здесь вырос, но я его почти не знаю; я даже не могу вспомнить, как его зовут. – Это подошла к нам миссис Хеллстром.

Один из врачей наклонился над носилками:

– Можете ли вы сказать нам, как зовут вашего сына, до-

рогая? Или номер его телефона?

Глаза миссис Фризелл были открыты, но смотрели мимо нас.

– Брюс, – произнесла она. – Не позволяйте им забирать от меня Брюса.

Миссис Хеллстром неуклюже опустилась рядом с ней на колени:

– Я позабочусь о Брюсе ради вас, дорогая, но скажите нам телефон вашего сына.

– Брюс, – хрипло позвала старуха, – Брюс.

Санитары подняли ее и вынесли во двор. Я видела, что Винни и Пичи все еще стояли у ворот.

– Брюс – это ее сын? – спросила я.

– Нет, дорогая, – отозвалась миссис Хеллстром. – Это тот черный большой пес.

– Не могли бы вы присмотреть за собаками, пока она будет в больнице? Или, по крайней мере, пока мы не вызовем сюда ее сына?

Миссис Хеллстром, видимо, была не слишком этому рада:

– Мне бы этого не хотелось. Но думаю, что я могла бы кормить их и выпускать на улицу, пока они будут здесь оставаться.

Полицейские оставались в доме еще какое-то время, расспрашивая, как мы нашли миссис Фризелл, кем она нам приходится и так далее. Они не обратили никакого внимания на взволнованные выкрики. Тогда насчет того, что я взломала

замок.

– В конце концов, дружок, она нашла старую леди. Вы полагаете, надо было оставить ее здесь умирать? – сказал пожилой офицер, судя по всему собирающийся на пенсию.

Когда они узнали, что Кэрол – медсестра, они отвели ее в сторону и принялись подробно расспрашивать.

– Ты не знаешь, что с ней такое? – спросила я ее, когда полицейские наконец ушли.

– Думаю, что, когда она вылезла из ванны, она что-то себе сломала, похоже бедро. Ее организм сильно обезвожен, и поэтому ее сознание затуманилось. Я не могу точно сказать, когда она упала. Она могла пролежать здесь уже пару дней. Мы пришли как нельзя более вовремя, Вик. Не думаю, что она протянула бы до утра.

– Таким образом, очень хорошо, что я решил вмешаться, – вставил Тодд Пичи.

– Вмешаться? – взорвался мистер Контрерас. – Вмешаться? Кто нашел ее? Кто вызвал врачей? А вы только стояли на улице, боясь запачкать крылышки.

– Послушай-ка, старик, – начал было Пичи, подаваясь в сторону мистера Контрераса.

– Нечего спорить с ними, Тодд. Они не из тех, кто может тебя понять. – Миссис Пичи просунула свою руку под руку мужа и окинула взглядом грязный холл, презрительно вздернув нос.

Миссис Хеллстром тронула меня за руку:

– Вы не попробуете отыскать ее сына, дорогая? Понимаете, мне нужно домой. Во всяком случае, я хочу переодеться.

– О, так у нее есть сын? – сказал Пичи. – Может быть, теперь ему следует вернуться домой и позаботиться о своей матери.

– А может быть, она хочет жить своей собственной жизнью, – бросила я. – Почему бы вам не отправиться спать, Пичи? На сегодня вы уже выполнили свою порцию добрых дел.

– Ничего подобного. Я хочу поговорить с ее сыном и заставить его понять, что его мать должна немедленно отсюда уехать.

Собаки, которые лаяли вслед машине скорой помощи, рыча, вернулись в дом и стали прыгать на нас. Пичи размахнулся и ударил ушастого песика. Когда собачка с отчаянным визгом пролетела через холл, я стукнула Пичи ногой по голени.

– Ты не у себя дома, парень. Если ты боишься собак, то сиди дома и не высовывайся.

На его жестком лице появилось злобное выражение.

– Я могу привлечь вас за оскорбление действием, Варшавски.

– Да, можете, но не станете этого делать. Вы можете драться только с теми, кто слабее вас.

Я оттолкнула его с дороги и принялась за тщетные поиски какой-нибудь бумажки, на которой могло быть записано имя сына миссис Фризелл. Только через полчаса мне пришлось в

голову, что можно навести справки прямо в Сан-Франциско – сколько Фризеллов там могло оказаться? Как выяснилось, их было шесть и у двоих фамилии писались не так. Четвертый, которому я дозвонилась, был Байрон, ее сын, и я не могу сказать, чтобы он проявил какой-то интерес к новостям о своей матери.

– Вы отвезли ее в больницу? Хорошо, хорошо. Спасибо, что нашли время позвонить.

– Вы не хотите узнать, в какую больницу?

– Что? О нет, конечно. Послушайте, я сейчас очень занят... Как, вы сказали, ваша фамилия – Шарански? Давайте я перезвоню вам утром.

– Варшавски, – попыталась было я поправить его, но он уже бросил трубку.

Тодд ждал окончания нашего разговора с Байроном.

– Так что он собирается делать? – спросил он.

– Он уже не успеет на первый самолет. Миссис Хеллстром присмотрит за собаками. Почему бы всем нам не пойти домой и не отдохнуть?

Как и миссис Хеллстром, мне очень хотелось переодеться. Кэрол ушла, когда я еще только набирала номер телефона второго Фризелла. Мистер Контрерас пошел на кухню, чтобы дать собакам еды и сменить им воду. Он спешил вернуться к Пеппи, но рыцарский дух не позволял ему оставить меня здесь одну.

– Вы думаете, дочка, что с ними все будет в порядке?

– Думаю, все будет замечательно, – уверенным тоном произнесла я. Будь я проклята, если он повесит мне на шею еще пятерых собак.

Когда я захлопнула входную дверь, мы услышали, как они скулят и скребутся изнутри.

Глава 7

У меня появляется новый клиент

На следующее утро я потратила два часа на то, чтобы привести в порядок свою квартиру. Брошенное Пичи накануне вечером замечание задело меня за живое. Не то чтобы я боялась остаться одна в восемьдесят пять лет – мое воображение рисовало и куда более мрачные картины, – но я боялась стать такой же, как миссис Фризелл: квартира завалена газетами, комья пыли, перерастающие в слой грязи, а отношения с соседями испорчены настолько, что они не станут звонить мне, даже если подумают, что я заболела.

Я перевязала веревкой скопившиеся за месяц газеты и положила около входной двери, чтобы потом сдать как вторичное сырье. Я до блеска натерла пианино и кофейный столик, так что они вполне могли удовлетворить самые высокие запросы, вымыла посуду, горой наваленную в раковине и на кухонном столе, и выбросила из холодильника все остатки еды. Таким образом, на ужин мне пришлось бы выбирать между арахисовым маслом и овощными консервами, но я рассчитывала, что сумею по дороге домой заскочить в магазин.

Я решила пропустить свою пробежку и поехала надземкой в центр города, чтобы сделать все, что я наметила на сегодняшний день, мне нужно было попасть во множество пра-

вительственных учреждений, расположенных в одном районе, – машина только мешала бы мне. К четырем я уже могла позвонить Дэррой Грэхему и сообщить ему, что мне удалось узнать о Клинте Моссе. Ему действительно очень была нужна эта информация; его секретарше было дано распоряжение: сразу же, как только я позвоню, вызвать его с сообщения. Узнав, что обучение в Чикагском университете по программе МБА⁵ было от начала и до конца выдумкой Мосса, Дэррой потребовал, чтобы я отправилась в Питтсбург и удостоверилась, что тот не сочинил еще и сведения о своей прежней работе. Мне вовсе не хотелось этого делать, но чтобы я могла платить взносы за «транс-ам», мои постоянные клиенты должны были быть довольны. Я согласилась вылететь туда завтра рано утром – не в семь часов, как хотел Дэррой, а в восемь, а это означало, что мне придется встать в шесть. Это и так было достаточно большой жертвой с моей стороны.

По дороге домой я остановилась около дома миссис Хеллстром, чтобы посмотреть, как она управляет с собаками миссис Фризелл. Она была в растрепанных чувствах. Ей надо было приготовить обед для своих внуков, и она просто ума не могла приложить, как сможет еще и присмотреть за собаками.

– Завтра утром я уезжаю из города, но в пятницу вернусь

⁵ МБА (MBA) – программа подготовки специалистов по управлению экономической, дающая степень магистра.

и тогда помогу вам, – услышала я собственный голос. – Если вы позаботитесь о них утром, то вечером я накормлю их и выведу погулять.

– Ох, правда? Это для меня была бы такая помощь. Миссис Фризелл такая странная, вы бы никогда не подумали, что ее что-то заботит, мы могли бы вытащить из ее дома все до единой вещи – не то чтобы там было что-то, что мне хотелось бы взять, поймите меня правильно, – так вот, мы могли бы все забрать, и она бы не заметила. Но если бы мы не накормили ее любимых питомцев, она, наверное, подала бы на нас в суд. А с ними столько возни!

Она отдала мне ключи, которые мы отыскали вчера вечером в гостиной, уверенная, что я начну свое вечернее дежурство тот же час.

– Когда закончите, просто бросьте ключи в мой почтовый ящик. Пока вас не будет, я сделаю дубликаты и положу их в ваш почтовый ящик. Нет, наверное, мне лучше отдать их тому приятному мужчине, который живет этажом ниже вас. Он выглядит таким порядочным, а я терпеть не могу, когда чьи-нибудь ключи от дома валяются где попало.

Я спросила, не знает ли она, в какую больницу положили миссис Фризелл.

– Ее отвезли в больницу округа Кук, дорогая, потому что у нее не было никакой страховки, она даже не регистрировалась по программе «Медикэр»⁶ – это просто удивительно,

⁶ «Медикэр» – часть Общей федеральной программы социального страхования

правда? Я не представляю, что мы будем делать, когда мой муж уйдет на пенсию. Он собирается сделать это в следующем году. Ему тогда будет пятьдесят восемь, и уже пора на отдых, но как посмотришь, что случается со стариками... но, как бы то ни было, я, может быть, попытаюсь повидать ее завтра. Подумать только, что этот ее сын – хотя, конечно, у него было не самое веселое детство, – но он же рос в этом доме, проявляет такое равнодушие к матери. Он, конечно, уехал отсюда, как только смог, да в этом и нет ничего удивительного, если посмотреть, что делается у нее в доме. Его отец тоже не смог этого вынести: сбежал за месяц до того, как родился мальчик.

Я забрала у нее ключи, не дожидаясь, пока она в деталях опишет мне все странности, которые заставили мистера Фризелла и его сына покинуть кров Харриет Фризелл. Может быть, она не стала бы такой подозрительной и замкнутой, если бы ее муж остался с ней. А может быть, и нет.

Собаки встретили меня одновременно с подозрением и с восторгом. Когда я открыла дверь, они бросились ко мне, потом ринулись назад по коридору в сторону кухни, угрожающе рыча. Поскольку лабрадор был у них лидером, я сосредоточилась только на нем, присела на корточки и дала ему понюхать мою руку, чтобы он вспомнил, что мы уже знакомы.

– Только тогда я была не в нейлоновых колготках и туфлях, – сказала я, обращаясь ко всей компании. – Какая же

я бестолочь! Во-первых, предложила присмотреть за вами, а потом еще явилась сюда в том, в чем хожу на работу.

Они завияляли хвостами в знак согласия. Я подумала, не пойти ли мне домой, чтобы переодеться в джинсы и старые кроссовки, но тогда уже меня было бы невозможно снова вытащить в этот сарай. Солнце осветило подтеки на обоях, которые не были заметны вчера вечером в темном холле. Судя по виду и запаху потеков, это протекала крыша. При солнечном свете стала отчетливо видна и грязь, покрывающая пол, да и все остальные поверхности в этом доме.

Я пристегнула к ошейнику лабрадора поводок и повела всю пятерку вверх по Расин в сторону Белмонта. Лабрадор рвался с поводка, но я держала его мертвой хваткой: я вовсе не собиралась разыскивать его потом всю ночь по окрестностям. Зато остальные четыре собаки вовсе не нуждались в поводке – они шли след в след за своим лидером.

Когда Пеппи еще не была беременна, мы вместе с ней совершали пробежку в пять миль до порта. Но я вовсе не собиралась тратить столько энергии на собак миссис Фризелл; я прогулялась с ними вокруг квартала, посмотрела, есть ли у них вода и пища, и заперла их в доме. Когда я уходила, они разочарованно завыли. Я чувствовала себя немного виноватой, но вовсе не хотела, чтобы в эти выходные они повисли у меня на руках. По возвращении из Питтсбурга я собиралась узнать, в каком состоянии миссис Фризелл, и как-то организовать уход за собаками до тех пор, пока она не поправится.

Я могла бы позвонить ее отзывчивому сыну, этому Байрону, и посмотреть, какую финансовую помощь он готов ей предоставить, а может быть, мы нашли бы деньги на то, чтобы нанять кого-нибудь гулять с собаками.

Вернувшись домой, я с чувством глубокого удовлетворения погрузилась в свою великолепную ванну. Я подумала, что, может быть, ужасный пример миссис Фризелл заставит меня изменить свои привычки.

– Нет, – сказала мне Лотти, когда я позже поделилась с ней этой мыслью по телефону. – Возможно, на неделю тебя и хватит, но потом обычный беспорядок воцарится снова... Кэрол сказала, что она заходила к тебе вчера вечером, чтобы обсудить свои планы. Ты собираешься последовать примеру Макса и отругать меня?

– Не-ет, – медленно проговорила я. – Но я не собираюсь и переубеждать ее. Возможно, у нас слишком сильная аллергия на семейные узы, которые вяжут по рукам и ногам. Поэтому мы и не можем понять, что хорошего она находит в том, чтобы, скажем так, привязать себя к своим родным.

– Почему бы тебе, Вик, не сосредоточиться на ловле преступников и не оставить исследование глубин человеческой души психиатрам? – отрезала Лотти.

На этой неприятной реплике мы и закончили разговор. Соответственно, в Питтсбург я поехала в плохом настроении, но добросовестно посвятила два дня работе на Дэрой. Этот его человек, Мосс, родился и вырос в одном из пре-

стижных пригородов Питтсбурга. Его жизнь протекала по обычному кругу: летний лагерь, занятия спортом в старших классах, наркотики, аресты, исключения из колледжа и, наконец, постоянная работа в одной химической компании. То, что он был простым рабочим на складе, а не менеджером отдела, его нисколько не смущало: в течение пяти лет он усиленно работал, и его шеф очень сожалел, что он уходит.

На обратном пути в самолете я написала отчет для Дэррой. Мне оставалось только потратить утром час на то, чтобы напечатать его, – и тысяча шестьсот долларов будут у меня в кармане. Из аэропорта я отправилась потанцевать в «Коттон-клуб», чтобы отпраздновать свое благополучное возвращение, привычку виртуозно работать и гонорар.

В пятницу утром я встала, как обычно, неторопливо пробежалась к Белмонт-Харбор и на обратном пути зашла в ресторанчик «Дортмундер», чтобы позавтракать. Около одиннадцати часов я упаковала свой отчет, чтобы отдать его напечатать. По дороге я задержалась, чтобы сообщить мистеру Контрерасу, что я уже дома.

Он был на заднем дворе и копался на своем клочке земли в восемь квадратных футов. На прошлой неделе он высадил рассаду и теперь старательно освобождал ее от микроскопических сорняков.

– Привет, дочка. Хотите увидеть принцессу? Вы не поверите, как выросли малыши с тех пор, как вы уехали. Подождите минутку. Я пойду открою дверь. Я хочу с вами кое о

чем поговорить, прежде чем вы уйдете.

Он вытер мозолистые руки об огромный фартук и поднял свои грабли и лопатку. После того как прошлым летом он потерял весь свой садовый инвентарь, он не оставлял новые инструменты без присмотра даже на пять минут.

Пряча их в подвальчик, он расспрашивал меня о поездке, но когда он в третий раз спросил, сколько времени занял перелет, стало совершенно очевидно, что он думал о чем-то другом. Тем не менее у него были свои, особые представления о правилах этикета, и он ни за что не стал бы приставать ко мне со своими проблемами, пока я не приласкала собаку и не выразила свое восхищение ее потомством. Она не возражала против того, чтобы я взяла щенков на руки и немного потрепала, но тщательно вылизала каждого, когда они снова вернулись к ней под бок.

Мистер Контрерас ревниво наблюдал за нами, подробно излагая мне, что делала Пеппи в мое отсутствие: сколько она съела, как она позволяла ему брать на руки щенков и не думаю ли я, что мы могли бы оставить себе одного или двух – мальчик, у которого одно ухо было черное, а другое – рыжее, казалось, пришелся ему особенно по сердцу.

– Как скажете, босс, – проговорила я, поднимаясь на ноги, и взяла с подлокотника софы свои бумаги. – Если мне не придется заниматься ими, когда они вырастут, то мне все равно. Вы именно это хотите со мной обсудить?

– О... – Он прервал в самой середине свои увещевания

по поводу того, как он мог бы прекрасно управляться с тремя собаками, и если уж на то пошло, кто выгуливал Пеппи, пока я разъезжала по всяким Питтсбургам? – Нет-нет. Это совсем другое, личное дело. – Он присел на краешек потертого кресла горчичного цвета и поглядел на свои руки. – Дело в том, дочка, что мне нужна помощь. Я хочу сказать, мне нужно посоветоваться с вами, как со специалистом по таким делам.

Он поднял руку, чтобы предупредить мои возражения, хотя я и не пыталась открыть рот.

– Я не прошу никакой благотворительности с вашей стороны. Я готов заплатить столько же, сколько платят эти шишки из города, так что не думайте, что я прошу вас о каком-то одолжении.

– Хм, так в связи с чем вам понадобились мои услуги?

Он глубоко вздохнул и залпом выложил мне всю историю. Митч Крюгер исчез. Мистер Контрерас выставил его в понедельник, возмущенный его бесконечным пьянством и попрошайничеством. После этого соседа начала мучить совесть. В среду он отправился в меблированные комнаты на Арчер, где устроился Митч Крюгер.

– Только его там не было.

– Вы не думаете, что он мог в это время сидеть где-нибудь и выпивать?

– Ну конечно, мне это тоже пришло в голову. Вначале я даже не дал себе труда подумать. В общем, я развернулся

и направился прямо к автобусной остановке, но тут миссис Полтер – она хозяйка этого заведения; знаете, это самая настоящая ночлежка со столом – там только и есть, что спаль-ные места на семь-восемь человек, и она кормит их завтраком... Так вот, она окликнула меня, думая, что я ищу комнату, и я рассказал ей, что я ищу Митча.

Короче говоря, оказалось, что Крюгер не возвращался в эти меблированные комнаты с тех пор, как поселился там в понедельник днем. Он обещал миссис Полтер заплатить во вторник утром, и она хотела получить свои деньги. У него ушло добрых десять минут на то, чтобы рассказать всю историю. Или же она требовала от мистера Контрераса забрать вещи Крюгера, чтобы она могла сдать его койку кому-нибудь другому. Мистер Контрерас отдал ей пятьдесят долларов, чтобы место находилось за Крюгером еще неделю – то есть до понедельника, как с горечью заметил он, – а потом он сел на автобус и поехал домой.

– Потом я позвонил в «Даймонд хэд» и хотел поговорить с управляющим отделом сбыта из-за всего того шума, что поднял здесь Митч на той неделе. Но этот парень ничего не ответил на мою просьбу, так что вчера я снова сел в этот проклятый автобус, доехал до центра, и в конторе мне сказали, что Митч не появлялся у них с тех самых пор, как мы уволились двадцать лет назад. Так вот, в любом случае я хотел бы заняться этим делом. Найти его, я хочу сказать.

Когда я не сразу ответила, он сказал:

– Я заплачу вам, не беспокойтесь об этом.

– Дело не в этом. – Я чуть было не сказала, что вообще не нужно ничего мне платить, но вовремя вспомнила, что самый верный путь посеять раздоры между соседями и родственниками – это оказывать им профессиональные услуги даром. – Но... хорошо, если уж быть предельно откровенной, то вы не думали, что, возможно, он просто спит себе где-нибудь в камере полицейского участка?

– Если и так, вы же можете это выяснить. Я хочу сказать, что вы знаете всех этих копов, они скажут вам, если его подобрали где-нибудь в пьяном виде. Я почему-то чувствую на себе ответственность за него.

– У него есть семья?

Мистер Контрерас покачал головой:

– В общем, нет. Его жена бросила его – это было очень давно. Наверное, это было уже лет сорок назад. У них был ребенок, и даже тогда Митч пропивал всю получку. Не могу сказать, что я обвиняю ее. Я отбил у него Клару, когда мы все еще учились в старших классах. На нашем выпускном вечере. Она частенько попрекала меня этим, когда я приходил домой не в духе, и мне в конце концов пришлось ей напомнить, что я не позволил ей связаться с этим надутым ослом Крюгером.

Его добрые карие глаза наполнялись влагой, когда он вспоминал эту вечеринку шестидесятилетней давности.

– Ладно, все это прошло и умерло, и я знаю, что Митч

этого не стоит, на него теперь никто и не взглянет, но мне хотелось бы все-таки знать, что с ним все в порядке.

После того как он повернул вопрос таким образом, мне не оставалось выбора. Я привезла его к себе в офис и торжественно заполнила стандартный бланк контракта, который мы и подписали. Я записала адрес миссис Полтер. Я также записала, где находится «Даймонд хэд», – у меня было предчувствие, что мне понадобятся все сведения, какие есть, чтобы оправдать свой гонорар.

Мистер Контрерас достал из нагрудного кармана пачку банкнотов. Послюнив пальцы, он отсчитал мне четыре двадцатки. Это была плата за то, чтобы я потратила день и облизала все пивнушки на улицах Арчер и Сермак.

Глава 8

Забудьте о ваших бедах

Мой отчет Дэррой Грэхему я отправила почтой, по пути к Стивенсон – скоростной магистрали, которая проходит через всю юго-западную часть Чикаго. Фактически она идет параллельно каналам Сэнитэри и Шип, которые были построены еще в 1900 году для того, чтобы соединить реки Иллинойс и Чикаго. Огромное, тридцатимильное, водное пространство пересекали стальные мосты, и по его берегам располагались самые разнообразные промышленные предприятия. Зерновые и цементные элеваторы возвышались над горами металлолома; грузовые терминалы соседствовали с сухими доками, где чикагские моряки оставляли свои суда на зимний период.

Я съехала на Дэймен, проскользнула за кучкой строений, которые совершенно неуместно сгрудились около съезда, и, резко повернув налево, выехала на Арчер. Как и магистраль, улица шла в том же направлении, что и канал Сэнитэри; она служила главной трассой, проходящей через промышленную зону, задолго до того, как была проложена Стивенсон.

Хотя в этой части города и были спокойные районы с ухоженными улочками, Арчер не относится к их числу.

Обшарпанные двухэтажные вытянутые строения подсту-

пают здесь фасадами прямо к тротуару. Изредка попадающиеся продовольственные магазинчики – это просто лавчонки, в которых торгуют также пивом, крепкими напитками и школьными принадлежностями. Притом, сколько баров и таверн насчитывается на этой улице, трудно понять. За счет чего существуют магазины.

Дом миссис Полтер находился примерно в пяти кварталах от Дэймен. Это было длинное, узкое здание, крытое дранкой цвета асфальта, которая местами отвалилась, обнажив деревянные перекрытия. Когда я подъехала, миссис Полтер уныло оглядывала улицу со своего парадного крыльца. Крыльцо – это явно было громко сказано про шаткую площадку из ободранных досок. Эта площадка, которой заканчивался пролет полуразвалившейся лестницы, была достаточно просторной, чтобы там мог поместиться зеленый металлический стул и еще осталось место для того, чтобы дверь могла открываться и закрываться.

Миссис Полтер была тучной женщиной, ее шея утонула в складках жира, начинавшихся от плеч. Коричневое домашнее платье, выглядевшее как реликвия двадцатых годов, уже давно не сходилось на располневшем теле своей хозяйки. Английская булавка, при помощи которой пытались замаскировать недостаток материала, преуспела только в том, чтобы разлохматить края ткани.

Насколько я могу судить, эта дама не повернула головы, пока я карабкалась по лестнице, и даже не потрудилась

взглянуть на меня, когда я встала на площадке, глаза на нее сверху вниз.

– Миссис Полтер? – спросила я после долгой паузы.

Она смерила меня недовольным взглядом, потом снова переключила свое внимание на улицу, где трое мальчишек на велосипедах пытались поднять их на дыбы и проехать на задних колесах. За моей спиной раздавались гулкие шлепки об асфальт.

– Я хотела задать вам несколько вопросов относительно Митча Крюгера.

– Не думаете ли вы, парни, что можете забираться на мою территорию? – крикнула она ребятам, когда эти велосипедисты перелетали на своих железных конях через обочину.

– Тротуар принадлежит всем, толстая свинья! – крикнул ей в ответ один из них.

Остальные двое оглушительно расхохотались, гарцуя на своих велосипедах туда-сюда по тротуару. Миссис Полтер, двигаясь с быстротой и ловкостью боксера, схватила огнетушитель и принялась поливать их через ограду. Они отскочили назад на проезжую часть, оказавшись вне пределов досягаемости для нее, и продолжали гоготать. Миссис Полтер опустила огнетушитель на пол рядом со стулом. Было ясно, что это развлечение повторялось здесь изо дня в день.

– Слишком много мест здесь было бессмысленно разрушено только потому, что у людей не хватает мужества постоять за свою собственность. Проклятые маленькие дьяволята.

Черт побери, все здесь было совсем иначе, пока они не приехали и не привезли с собой всю эту грязь и преступления, которые множатся, словно мухи.

Шлепки об асфальт раздавались позади нас в такт ее речи.

– Угу. Было время, когда эти места были как оазис в центре западной части... Так что же Митч Крюгер?

– Ах, вы о нем. – Она подняла на меня выцветшие голубые глаза. – Старик приходил и заплатил за него. Меня это вполне устроило.

– Когда вы видели его в последний раз?

Услышав мой вопрос, она повернула свой стул и все свое массивное тело, чтобы как следует меня рассмотреть.

– А кому нужно это знать?

– Я детектив, миссис Полтер. Меня просили найти мистера Крюгера. Насколько я могу судить, вы были последней, кто его видел.

Я звонила Конраду Роулингу, сержанту полиции из моего собственного округа, чтобы выяснить, не арестовали ли Митча за нарушение общественного порядка в нетрезвом виде в последние несколько дней. В полицейском компьютере такие случаи отдельно не регистрировались. Роулинг назвал мне сержанта из четвертого округа, который любезно позвонил во все подчиняющиеся им участки. Однако ни в одном из них в последнее время не видели Митча, хотя ребята из участка Маркветт знали, кто он такой.

– Что, он умер или еще что-нибудь случилось? – Ее хрип-

лый голос, казалось, строгал слова на кусочки, будто терка для сыра.

– Он всего лишь пропал. Что он сказал вам, когда уходил?

– Не знаю. Я не обратила внимания – эти проклятые чертенята носились здесь на своих велосипедах, как всегда после школы. Я не могу уследить за всеми сразу.

– Тем не менее вы видели, как он спускался по лестнице, – настаивала я. – И вы знали, что он не заплатит вам. Так что вы должны были поинтересоваться, когда он вернется со своими деньгами.

Она вытерла лоб своей огромной ладонью.

– Это правда. Тут вы совершенно правы, милочка. Я окликнула его, когда он шел вниз по лестнице. Я крикнула ему: «Не забудьте, что вы должны мне пятьдесят баксов!» или что-то в этом роде. – Она улыбнулась, довольная собой, и повернулась так, что ее металлический стул заскрипел.

– И что же он сделал? – задала я следующий вопрос.

Она снова развернулась на своем стуле и схватила огнетушитель, целясь в троих хохочущих мальчишек. Когда они в очередной раз отступили на улицу, она проговорила:

– Что вы сказали, дорогуша?

Я повторила свой вопрос.

– Ох да, конечно. Он повернулся и подмигнул мне. «Не надо поливать меня из этой штуковины, – сказал он, без сомнения имея в виду огнетушитель, – потому как у меня куча денег. Уж по крайней мере, очень скоро она у меня будет.

Да, очень скоро».

– Когда он спустился с лестницы, он повернул направо или налево?

Она в недоумении подняла брови к корням торчавших во все стороны желтоватых волос и попыталась припомнить, но она не могла восстановить в памяти эту картину; ее внимание было тогда целиком приковано к мальчишкам внизу на улице, а не к еще одному жалкому постояльцу.

– Я хотела бы взглянуть на его комнату, прежде чем уйти.

– А у вас есть на это ордер, а, дорогуша?

Я достала из сумочки двадцать долларов:

– У меня нет ордера. Но, может быть, это больше придется по вкусу вашему кошельку?

Она взглянула сначала на меня, потом на деньги, затем на детей, носившихся по тротуару:

– Вы, копы, не имеете права врывать в чужой дом без ордера. Это записано в конституции, на случай, если вы этого не знаете. Но только на этот раз, потому что вы женщина и прилично одеты, я позволю вам войти. Но если вы вернетесь сюда с мужчинами, то пусть они лучше захватят с собой ордер. Поднимайтесь на второй этаж. Его комната находится через две двери от ванной комнаты, с левой стороны. – Она резко повернула голову в сторону улицы, как только я открыла входную дверь.

В доме резко и отвратительно пахло грязным тряпьем. Это было темное помещение, с длинными узкими коридора-

ми, которые освещали только два окна – в передней и задней стене. Судя по запаху, который стоял кругом, их уже давно не открывали. Вверх поднималась крутая лестница. Я осторожно принялась взбираться по ней. Несмотря на то что я ступала очень аккуратно, несколько раз я все же споткнулась о куски отодранного линолеума.

Я прошла по коридору второго этажа до ванной комнаты, потом отыскала вторую дверь слева. Комната была открыта, кровать была прибрана кое-как и ожидала возвращения Крюгера. Во владениях миссис Полтер не было никаких замков; впрочем, у Крюгера особенно нечего было прятать от чужих глаз. Я обыскала его виниловый чемодан, но там нашлись только бумаги, подтверждающие его членство в союзе и право на получение пенсии, да бланк формы, который он должен был переслать в Службу социальной защиты, чтобы известить их о перемене адреса. Он также хранил какие-то старые газетные вырезки, очевидно касающиеся «Даймонд хэд». Может быть, компания каким-то образом заменяла ему давно отсутствующую семью.

Единственной вещью среди всего его имущества, которая имела хоть какую-то ценность, был переносной чернобелый телевизор. Его антенны были погнуты, и одна из кнопок отвалилась, но, когда я его включила, картинка на экране была достаточно четкой.

Одежда Митча была настолько грязной и сальной, что по пути назад я зашла в ванную вымыть руки. Один взгляд на

полотенце убедил меня, что сушка рук на воздухе будет куда полезнее для моего здоровья.

У выхода из ванной комнаты меня подждал мужчина средних лет в обтрепанной майке и таких же брюках. Он оглядел меня голодными глазами:

– В кои-то веки старая сука пустила сюда такую конфетку, как ты. Ты просто бальзам для больной души. Бальзам для больной души, черт возьми.

Он попытался загородить мне дорогу, когда я проходила мимо. Я потеряла равновесие и, пытаясь удержаться, стукнула его по вытянутой ноге. Спускаясь по лестнице, я чувствовала спиной его злобный взгляд. Более опытный и искушенный детектив обязательно воспользовался бы случаем расспросить его о Митче Крюгере.

Миссис Полтер ничего не сказала, когда я поблагодарила ее за разрешение осмотреть комнату, но, когда я уже наполовину спустилась с лестницы, она крикнула:

– Запомните: за эту комнату уплачено только до понедельника. После этого пускай старик приходит и забирает его пожитки.

Я остановилась и задумалась. Мистер Контрерас не захочет, чтобы его старый приятель снова поселился у него в гостиной на кушетке. И если подумать, то и мне этого не хотелось. Я снова поднялась по лестнице и протянула ей пятьдесят долларов. Они тотчас же исчезли за вырезом платья, скрепленным английской булавкой, но она ничего не сказа-

ла. Теперь от аванса, данного мистером Контрерасом, у меня оставалось десять долларов на то, чтобы пройтись по барам Саут-Сайд.

У подножия лестницы я остановила лидера велосипедного трио:

– Я ищу одного старика, которой вышел отсюда в понедельник днем. Он белый, у него копна седых волос, которые он никогда не расчесывает, большой живот, возможно, на нем были подтяжки и рабочие брюки. Ты не помнишь, куда он пошел?

– Он ваш друг, мисс?

– Он... ну, он мой дядя. – Я не была уверена, что эта троица захочет иметь дело с детективом.

– А сколько вы готовы заплатить, чтобы найти его?

Я состроила гримасу:

– Ну уж не целое состояние. Может быть, десятку.

– Да вот он идет! – крикнул один из ребят, от возбуждения перескочив вместе со своим велосипедом через край тротуара. – Прямо за вашей спиной, мисс!

Крепко прижав сумочку к боку, я повернула голову. Парнишка был прав. Пожилой белый мужчина со всклокоченными седыми волосами и внушительным брюшком шел в нашу сторону. Это был еще один посетитель таверны «У Тесси», который вышел из этого заведения и переходил улицу. Наверное, здесь было не меньше тысячи таких мужчин, которые, как Митч, слонялись по полоске земли шириной в две

мили между Эшленд и Вестерн. От развернувшейся передо мной перспективы у меня просто опустились руки. Я повернулась, чтобы перейти улицу.

– Эй, мисс, а как же наши деньги? – Трио внезапно заговорило мне дорогу своими велосипедами.

– Нет, это не мой дядя. Но он очень похож, так что, я думаю, вы заслужили пять баксов.

Я порылась в сумочке и достала оттуда пятерку, не вынимая бумажник. Я вовсе не собиралась подражать миссис Полтер в ее подозрительности, но ведь они меня как-никак окружили.

– Вы сказали – десять, – требовательным тоном произнесла заводила.

– Хочешь бери, хочешь нет. – Я холодно взглянула на него, сурово подбоченившись.

Я не знаю точно, то ли у меня было такое свирепое выражение лица, то ли внезапное движение миссис Полтер, нагнувшейся за своим огнетушителем, так их напугало, но кучка велосипедистов рассыпалась. Я спокойно перешла улицу, не оборачиваясь, пока не достигла двери таверны «У Тесси». Мальчишки уезжали по направлению к Эшленд, возможно для того, чтобы потратить свое богатство.

Глава 9

Неотшлифованный алмаз

Заведение «У Тесси» представляло собой тесную узкую комнату с тремя столиками и баром, достаточно длинным для того, чтобы за ним могли усесться восемь-девять человек. Двое мужчин в пыльных рабочих блузах сидели рядом у стойки. У одного из них рукава рубашки были засучены выше локтя, чтобы все желающие могли полюбоваться его огромными мускулами. Когда я вошла, никто даже не взглянул в мою сторону, кроме женщины средних лет, стоявшей ко мне спиной и полоскавшей стаканы. У нее было что-то вроде локатора, который сообщал ей, когда входил новый посетитель.

– Что вам угодно, дорогая? – Ее голос, как и лицо, был ясным и приятным.

– Я, пожалуй, выпью пива, – сказала я, усевшись на высокий табурет у стойки бара. Не могу сказать, что пиво – мой любимый напиток, но вряд ли вы будете в состоянии обойти все местные бары, если хотите виски, а с другой стороны, владельцы этих заведений не слишком хорошо относятся к любителям содовой.

Мужчина с засученными рукавами допил свое пиво и произнес:

– То же самое, Тесси.

Она наполнила еще две пивные кружки и поставила их перед сидящими мужчинами. Потом она сунула пустые кружки в раковину, проворно их вымыла и поставила на полку, висевшую перед ней, под бутылками. В двери ввалились еще трое мужчин и окликнули ее по имени.

– Вам как обычно, мальчики? – спросила она, одним движением сгребая несколько глиняных пивных кружек.

Они забрали свое пиво и поставили на один из деревянных столиков, и Тесси взяла в руки «Сан Таймс».

– Что-нибудь еще, дорогая? – спросила она, когда я допила остатки прозрачного горьковатого пива.

– По правде говоря, я ищу своего дядю. Я хотела узнать, не видели ли вы его. – Я принялась было описывать Митча, но она перебила меня:

– Я не присматриваю за малышами, дорогая. С вас семьдесят пять центов за пиво.

Я вытянула из кармана джинсов доллар:

– Я и не прошу вас ни с кем нянчиться. Но он исчез в понедельник, а у него есть ужасная привычка ввязываться во всякие пьянки. Я пытаюсь найти хоть какой-нибудь его след. Как раз перед этим он въехал в дом миссис Полтер, на той стороне улицы.

Она провела руками по своим пышным бедрам и нарочито глубоко вздохнула, но тем не менее довольно внимательно выслушала мое описание Митча.

– Здесь слоняется по крайней мере дюжина таких пьяниц, – проговорила она, когда я закончила свой рассказ. – Но у каждого из них есть свое излюбленное местечко. Я думаю, вам лучше было бы поговорить с ними, а не пить пиво во всех барах на Арчер. В некоторых заведениях здесь такая милая девушка, как вы, может попасть в неприятную переделку.

Она протянула мне четверть доллара и отмахнулась от меня, когда я попыталась было оставить сдачу на стойке бара.

– Надеюсь, что вы его найдете, дорогая. Эти старые пьянчуги отнимают столько сил и времени у своих родных.

Я стояла на тротуаре, пытаюсь определить, что мне делать дальше. Миссис Полтер исчезла со своего крыльца, и ее мучителей тоже нигде не было видно. По тротуару шла усталая женщина с двумя малышами, одетыми в какие-то лохмотья. Еще одна женщина направлялась в «Эксельсиор Тэп», который находился через три дома от заведения Тесси. Июньским днем на улице было не очень оживленно.

Тесси была права. Если Крюгер и пьянствовал где-то, то он не стал бы делать этого здесь. Он бы вернулся в свой привычный квартал и напился в знакомом баре. Мне бы следовало взять у мистера Контрераса его прежний адрес, прежде чем начинать поиски. Я могла бы позвонить своему соседу – на углу был телефон-автомат, – но на сегодня я была уже полностью сыта квартирными хозяйками и пивом.

Я снова забралась в свою машину. Было еще только пятна-

дцать минут пятого. Наверняка кто-то еще должен был быть в офисе «Даймонд хэд». Если я не отправлюсь туда сейчас, то я смогу повидаться с представителями этой компании не раньше понедельника.

Судя по всему, предприятие было не так-то легко найти. Адрес был достаточно ясным – дом номер 2000 по Тридцать первой улице, – но я не могла понять, как мне туда добраться. Я проехала вверх по Дэймен, пересекавшей канал у начала Тридцать первой улицы, и отыскивала, на мой взгляд, верную дорогу, извиающуюся у подножия магистрали. Асфальт здесь местами потрескался, и сквозь него проросла трава, частично скрывая выброшенные матрасы и машинные шины. За моей спиной ревел грузовик, проходя повороты на скорости в пятьдесят миль. Я слишком поздно поняла, что мы незаметно выехали на Стивенсон.

Я попала в самый час пик, и, чтобы проехать две мили до Кедзи, мне понадобилось двадцать минут. Когда я наконец выбралась из потока машин, я даже не пыталась вернуться на главную магистраль. Вместо этого я проехала по Тридцать девятой улице и снова вверх по Дэймен. На этот раз я оставила машину около моста и прошла по пешеходной дорожке к уже давно не использовавшейся башне, в которой находился механизм регулировки подъемного моста.

Прошло немало лет с тех пор, как этим механизмом пользовались в последний раз. Окна были заколочены досками. Замки в металлической двери настолько заржавели, что их

не удалось бы открыть, даже если бы у вас был ключ. Кто-то оставил вдоль всей стены надпись, извещающую, что здесь побывали Безумные Испанские Кобры. На другой стене красовалась гигантская свастика.

Перила тоже полностью проржавели. Некоторых переключин не хватало. Я не решилась наклоняться над ними: один неверный шаг – и я приземлилась бы прямо на груды сваленных внизу балок. Вместо этого я легла на площадке на живот и поглядела вниз.

К востоку простирались огромные склады, вдоль которых располагались площадки для металлолома и других отходов. Прямо подо мной у самой воды росли кривые деревца. Они закрывали от меня большую часть крыш близлежащих домов, но через два дома по левую руку от меня я смогла различить большие буквы «А» и «НД». Вовсе не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, что они были частью слова «Даймонд».

Если бы у меня была лодка, я могла бы подплыть прямо к дверям этого здания. Фокус заключался в том, чтобы добраться до него по суше. Я вернулась на мост, спустилась вниз и пошла по узкой полоске асфальта, тянувшейся за рядом низких строений, расположенных вдоль дороги. Дома выглядели еще старше, чем мост, который возвышался над их крошечными оконцами, загораживая свет.

Дорожка обрывалась у решетки, ограждающей канал. Я двинулась вдоль ограды, стараясь не наступить в самые

омерзительные из отбросов, сваленных около нее, но все же несколько раз угодила ногой в жестяные банки, спрятавшиеся в высокой густой траве. Футов через двадцать этой грязи я ступила наконец на бетонированную площадку. Справа от меня находился плавучий док. Грузовики стояли вплотную к докам и были похожи на лошадей, которых привязали в огромном стойле и кормили овсом.

Я украдкой взглянула на буквы, находившиеся под крышей. «Гэммиджуайэр». Я обошла по площадке вокруг здания и наконец наткнулась на надпись «Даймонд хэд».

У платформы в открытой бухте стоял только один грузовик. Я испугалась, что исследования местности отняли у меня очень много времени и было уже слишком поздно, чтобы застать здесь кого-нибудь, но все же я пошла к грузовику, чтобы навести справки.

У основания плавучей платформы, спиной к грузовику, стоял мужчина в рабочей одежде. Это был здоровый малый, на добрых девять дюймов выше ростом моих пяти футов и восьми дюймов. Мотор работал, сотрясая грузовик, и так оглушительно рокотал, что мне с трудом удалось привлечь внимание человека в спецовке. Наконец я тронула его за руку. Он отпрыгнул в сторону и выругался:

– Кто вы такая и какого черта вам здесь надо?

Я не могла расслышать его слов из-за дикого рева мотора, но по его губам можно было достаточно точно определить, что он произнес.

У него было широкое квадратное лицо со шрамом, пересекавшим левую скулу. Его нос был сломан, и не один раз, судя по тому, как он был искривлен на правую сторону. Я отступила назад.

– Есть кто-нибудь внутри, с кем я могла бы поговорить? – крикнула я, стараясь заглушить рев мотора.

Он приблизил лицо к моему:

– Я спросил вас, девушка, кто вы такая и какого черта вам здесь надо.

У меня затряслись поджилки, но я холодно уставилась на него.

– Мое имя Виктория Варшавски. Я хочу побеседовать с заведующим отделом сбыта. Вы удовлетворены?

Он прищурился и выпятил нижнюю губу; казалось, вот-вот он потеряет остатки разума. Прежде чем он успел сообщить, что бы такое зверское предпринять, я проскользнула за его спиной и бросилась на платформу. Он погнался за мной, но его собственный вес и тяжелые рабочие ботинки мешали ему двигаться быстро.

Я огляделась, ища, с кем бы можно было поговорить, но платформа была пуста. Только грузоподъемник со стоящей на нем клетью свидетельствовал о том, что кто-то, по всей вероятности, загружал – или разгружал – грузовик.

Я не стала ждать, когда мой приятель присоединится ко мне, а пронеслась вдоль дока, пока не добралась до открытой двери, ведущей в длинный коридор. Здесь я нашла неболь-

шую группу мужчин, в рубашках и галстуках, полностью погруженных в беседу. Начальство. Как раз то, что мне было нужно.

Они удивленно посмотрели на меня. Один из них, самый молодой парень с коротко остриженными каштановыми волосами и в очках в роговой оправе, сделал шаг вперед:

– Вы заблудились?

– Не совсем так. – Я бросила взгляд на длинную травинку, приставшую к моей правой туфле, и подумала, сколько же еще следов оставили на мне те дебри, по которым мне пришлось пробираться. – Я ищу кого-нибудь, кто может знать об одном бывшем служащем «Даймонд хэд». Либо заведующего отделом сбыта, либо управляющего.

В этот момент мой приятель вбежал в коридор, громыхая своими пудовыми ботинками.

– Ах, вот ты где! – заорал он грозным голосом. – Она только что пробралась с задней стороны здания.

– Правда? – Мужчина, который до этого говорил со мной, повернулся в мою сторону: – Кто вы и что вам здесь нужно?

– Мое имя Виктория Варшавски. И я хочу побеседовать либо с заведующим отделом сбыта, либо с управляющим. Несмотря на то, что говорит Бруно, я вовсе не пыталась проскользнуть сюда тайком. Просто я потратила добрых сорок минут на то, чтобы добраться к вам со стороны дороги, и в конце концов была вынуждена прийти сюда пешком.

С минуту все молчали, затем другой мужчина, постарше,

произнес:

– На кого вы работаете?

– Я вовсе не занимаюсь промышленным шпионажем, если вы это имеете в виду. Я очень смутно представляю себе, что вы тут делаете. Я детектив. – Эти слова вызвали молниеносную реакцию у двоих из этой компании. Я подняла руку. – Я частный детектив, и меня наняли для того, чтобы найти одного старика, который когда-то здесь работал.

Мужчина постарше с минуту пристально изучал меня.

– Думаю, Хэнк, мне лучше побеседовать с ней в моем кабинете, – сказал он, обращаясь к молодому человеку с каштановыми волосами. – Возвращайтесь к грузовику, Саймон. Я позабочусь о том, чтобы она не проникла в помещения, когда будет уходить.

Он кивнул в сторону дальнего конца коридора и бросил мне:

– Пойдемте.

Он направился по коридору с довольно приличной скоростью. Я шла за ним немного медленнее, останавливаясь, чтобы отцепить от туфли травинку. Когда я в очередной раз выпрямилась, чтобы идти дальше, мой провожатый исчез. На расстоянии примерно в две трети длины коридора я нашла дверь, которая вела в короткий коридорчик. Мой проводник стоял там, сразу за дверью, засунув руки в карманы, и взгляд его темных глаз не сулил мне ничего хорошего. Когда я нагнала его, он повернулся, не произнеся ни слова, и просле-

довал в полупустую конуру, которую он использовал как кабинет.

– Ну а теперь говорите, кто вы, черт возьми, такая и зачем слоняетесь по нашему предприятию? – сказал он, как только мы уселись.

Я оглядела крышку его стола, но не увидела никакой таблички с именем и должностью.

– У вас есть какое-нибудь имя? – спросила я. – И какое положение вы занимаете в этой фирме?

– Я задал вам вопрос, юная леди.

– Я уже ответила на него там, в коридоре. Мне нечего добавить. Но если вы хотите услышать все заново, то мне было бы очень полезно знать ваше имя. – Я откинулась на спинку стула и завязала шнурок на правой туфле.

Он уставился на меня. Я сняла и вторую туфлю и вытряхнула из нее грязь прямо на пол.

– Моя фамилия Чамферс. И я управляющий этого предприятия.

Слова вылетали у него из горла, как из трубочки для стрельбы горохом.

– Очень приятно. – Я достала из сумочки бумажник, вытащила оттуда ламинированную копию моей лицензии частного детектива и показала ему.

Он оглядел ее и презрительно бросил на стол:

– Я не льщу себя надеждой, что вы скажете мне, кто вас нанял, но у меня есть собственные сыщики. Я могу доста-

точно быстро вас проверить.

Я состроила гримасу отвращения.

– И после того, как вы потратите на это пару тысяч долларов, вы не станете умнее, чем сейчас, – сказала я. – Я понимаю, это выглядит довольно-таки странно, что я пробираюсь к вам в помещение, но этому есть одно простое объяснение. Ваш парень, Саймон, был первым, кого я здесь увидела. Когда я попыталась заговорить с ним, он был довольно нелюбезен, так что я бросилась искать более безопасное место и наткнулась на вас.

С минуту он продолжал хмуриться.

– И что же это за история, которую вы хотели со мной обсудить?

– Моя история, как вы сказали, тоже очень проста. Я ищу одного старика, который у вас работал.

– Мы его уволили?

– Вовсе нет. Он ушел с вашей фирмы самым обычным образом: вышел на пенсию.

– В таком случае у него нет никаких причин находиться здесь. – Он мне не верил. Его тон и закушенная верхняя губа ясно говорили об этом.

– Так кажется на первый взгляд. Но в последний раз, когда мой клиент его видел, в понедельник, этот пропавший человек сказал, что он отправляется к вам, чтобы повидаться с начальством, – это его слова. У него было что-то на уме, касающееся «Даймонд хэд». Таким образом, поскольку никто

из тех, кто его знает, не видел его с понедельника, я думала, что он действительно осуществил свое намерение. Я имею в виду, что он пришел сюда.

– А как фамилия этого бывшего служащего? – Он слегка улыбнулся, чтобы показать, что принял правила игры.

Я улыбнулась ему в ответ, тоже чуть-чуть, но с большим презрением.

– Его зовут Митч Крюгер. Он не появлялся у вас?

– Если он и приходил, то никак не смог бы миновать моего секретаря.

– В таком случае я хотела бы с ним побеседовать.

– Это была грубая ошибка, – презрительно проговорил он. – Глупо притворяться, будто вы не проделали заранее всю черновую работу и не выяснили, что мой секретарь – женщина. Я спрошу об этом Анджелу, когда она придет в понедельник. А потом позвоню вам.

– Знаете, Чамферс, я раскрою вам маленький секрет. Если бы я на самом деле занималась промышленным шпионажем, то вы бы даже не узнали, что я была здесь. Я бы стала следить за вашими сотрудниками и выяснила бы, когда вы приходите и уходите, и совершила бы вылазку сюда в выходные, когда здесь никого бы не осталось. Так что расслабьтесь. Не стоит попусту растрачивать свои драгоценные мозги и банковские чеки. Все, что я хочу знать, это когда в последний раз кто-нибудь в «Даймонд хэд» видел моего парня – Митча Крюгера. Когда мы это узнаем, то навсегда с вами распрощаемся.

Я взяла у него со стола свою лицензию и протянула ему свою визитную карточку:

– Вам будет куда легче связаться со мной, Чамферс, если у вас будет номер моего телефона. А я запишу ваш.

Я наклонилась над столом и переписала номер с его аппарата прежде, чем он сумел меня остановить.

– Вы не снабдите меня телохранителем, чтобы я могла пройти мимо Саймона?

Его губы сложились в торжественную ухмылку.

– Мы не пойдем через все здание, детка, так что можете оставить ваши надежды. Мы с вами обойдем кругом.

И я лично проконтролирую, чтобы наша охрана была в эти выходные начеку.

Мы прошли по коридору и вышли через дверь, обращенную к каналу. В полном молчании мы прошли по тропинке вдоль здания, мимо трясущегося грузовика, у которого, как часовой, стоял Саймон, и прошли дальше к главному входу. От него уводила растрескавшаяся дорога.

– Я не знаю, где вы спрятали свою машину, но для вас же было бы лучше, чтобы она оказалась не на нашей территории. Я не могу обещать вам, что сумею удержать Саймона, если он снова увидит, как вы слоняетесь вокруг.

– Я позабочусь захватить с собой пакет с сырым мясом, когда приду сюда в следующий раз.

– Следующего раза не будет. Крепко зарубите это себе на носу, детка.

Было очевидно, что не стоит дальше подогревать наш конфликт. Я послала ему воздушный поцелуй и направилась к проезжей части. Он глядел мне вслед, расставив ноги и уперев руки в бока.

Глава 10

Визит к собакам

Шел уже седьмой час, когда я наконец доплелась до моего «транс-ам». Выбравшись по развороченной подъездной дороге к «Даймонд хэд» на улицы, прилегающие к Бриджпорт, я поняла, как надо было ехать. Моя ошибка заключалась в том, что я пыталась попасть туда со стороны Тридцать первой улицы, а надо было проехать вниз по Тридцать третьей и несколько раз повернуть в переулках.

Я рассмеялась, вспомнив свою стычку с Чамферсом. После всех расследований в промышленности, которыми я занималась много лет, было очень забавно – и в равной мере нелепо – так по-глупому ворваться к ним, что они приняли меня за шпиона. Мне следовало бы подождать до понедельника и в обычном порядке побеседовать с секретаршей Чамферса. Теперь я все равно должна буду это сделать, но мне еще придется преодолевать высокую стену их недоверия.

Мне было интересно, действительно ли Чамферс отправит собственных детективов следить за мной, или это была пустая бравада, чтобы заставить меня обратиться подальше со своим гипотетическим шпионажем. Во время долгого пути вверх по Кеннеди я забавлялась, придумывая, что бы я сделала, если бы мне пришлось следить сама за собой. Мне, по-

жалуй, будет трудно доказать, что я не шпионила: как только они проверят мои деловые связи, они поймут, что промышленный шпионаж составляет большую часть моей практики. Тогда они будут вынуждены сесть мне на хвост, это отнимет немало времени и денег. Мне было бы приятно посмотреть, как Чамферс будет оправдываться за понесенные расходы перед своим начальством, кто бы они там ни были.

Когда я приехала домой, мистер Контрерас выскочил из своей квартиры, чтобы меня встретить:

– Удалось узнать что-нибудь о Митче, дочка?

Я обняла его за плечи и мягко подтолкнула назад в его квартиру:

– Я расспрашивала сегодня людей, но это еще только начало. Я хочу сказать вам то же самое, что говорю всем клиентам: я регулярно составляю для вас отчеты, но я работаю все менее и менее продуктивно, если стремлюсь во что бы то ни стало собрать информацию для очередного отчета. Так что давайте считать, что мы просто соседи, которые нежно любят одну и ту же собаку, и предоставьте мне вести расследование так, как я считаю правильным.

Мистера Контрераса, казалось, уязвили мои слова.

– Я спросил вас только потому, что очень за него волнуюсь. Я вовсе не пытаюсь следить, как вы работаете, или критиковать вас.

Я усмехнулась:

– Забудьте об этом. Не могли бы вы дать мне старый адрес

Крюгера – тот, где он жил, пока не пришел сюда вместе с вами в прошлую пятницу?

– Конечно. Вот он у меня как раз должен быть здесь.

Он отвернул край скатерти со стола, стоявшего в центре гостиной. Я никак не могла взять в толк ни того, почему он поставил его в таком месте, где наверняка ушибается об углы по сто раз в неделю, ни того, почему он решил, что стол надо непременно накрыть скатертью. Принимая во внимание количество бумаг, которые были навалены на стол и торчали из ящиков, нетрудно было предположить, что поиски будут нелегкими. Я предоставила хозяину самому заниматься этим и пошла проведать Пеппи.

Всего за одну неделю щенки удивительно выросли. Их мягкая шерстка начала уже приобретать определенную окраску. Однако они все еще были слепыми и беспомощными. Они в ужасе заскулили и захныкали, когда Пеппи встала и отошла от них. Она обнюхала мои ноги, чтобы удостовериться, что это я, и показала мне, что хочет на улицу.

– Да, выведите ее, дочка. Я еще не нашел адрес Митча! – крикнул мне из другой комнаты мистер Контрерас.

Пеппи не захотела долго оставаться на улице. Она совершила короткую пробежку вокруг двора, чтобы осмотреть все перемены в ее владениях, и направилась прямо к двери в кухню. Наша короткая прогулка внезапно напомнила мне о моем безрассудном обещании выгуливать вечером собак миссис Фризелл.

Когда мы вернулись в гостиную, мистер Контрерас листал свою помятую записную книжку.

– Вот он, лапочка, – провозгласил он. – Сейчас я перепису его для вас.

Охалка бумаг упала на пол, пока он искал карандаш и лист чистой бумаги.

– Вы просто прочитайте мне его, – предложила я. – Я смогу удержать его в голове, пока не поднимусь к себе... кстати, миссис Хеллстром, что живет выше по улице, не заносила вам ключи от дома миссис Фризелл?

– А? – Он переписывал адрес Митча на старый конверт нетвердой рукой человека, который не привык много писать. – Ключи? Ах да, они вылетели у меня из головы, потому что я беспокоюсь за Митча, но я их взял для вас. Подождите секундочку. Я думал, что вы не хотите больше связываться ни с какими собаками. Разве вы так не говорили?

– Мои губы говорили: «Нет, нет», но моя дурацкая совесть говорила: «Да, да». Но я вовсе не собираюсь идти на уступки в том, о чем мы с вами договорились.

– Хорошо, дочка, хорошо. Остыньте немножко. – Он протянул мне конверт со старым адресом Крюгера.

«Тридцать пятая улица к западу от Дэймен» было выведено на нем крупными печатными буквами. Это было совсем близко к «Даймонд хэд», можно было дойти пешком.

– Вы тоже там жили?

– Что, дочка? О, вы говорите о том, когда мы были еще

детьми. Нет, нет. Моя семья жила на Двадцать четвертой, за Оукли. Это часть Малой Тоскании. Митч жил ближе к Калифорнии. Мы всегда дразнили его, что он кончит в окружной тюрьме. Она ведь там рядом, вы знаете.

– Знаю. – Я провела немалую часть своей жизни на Двадцать шестой и в Калифорнии, когда в свое время занималась расследованием убийств.

– Вы поедете завтра на его старую квартиру? – спросил мистер Контрерас, когда я поднималась по лестнице.

Я повернулась, посмотрела на него и проглотила серию резких ответов; беспокойство слишком ясно выразалось в его мягких карих глазах. Я сказала:

– Возможно. Во всяком случае, я сделаю все, что смогу.

Дома мне пришлось отчаянно бороться с желанием залезть в ванну с двойной порцией виски. Я пробыла в квартире ровно столько, сколько было нужно, чтобы убрать сумочку и проверить, кто мне звонил. Дэррой Грэхем ждал моего отчета. Лотти и не пыталась звонить – судя по всему, мы все еще дулись друг на друга. У меня не было ни сил, ни желания выяснять это сегодня вечером.

Когда я подошла к дому миссис Фризелл, там было тихо. Собак не было. Я постояла в дверях, самым глупым образом зовя их, хотя была совершенно уверена, что дом пуст. Потом я еще более глупо отправилась на поиски их по всему дому. Кто-то был здесь, убирал квартиру: постельное белье было выстирано и аккуратно сложено стопкой на вытертом от пы-

ли бюро в спальне; на лестницах и на этажах было проветрено и в ванной все вычищено. Только в гостиной царил беспорядок – везде были разбросаны бумаги. Очевидно, миссис Хеллстром делала все это, как добрая соседка. Возможно, она забрала и собак.

С облегчением я направилась к себе домой. Теперь я смогу принять ванну и спокойно посмотреть телевизор. Я уже была около входной двери, когда на меня налетела миссис Хеллстром. Ее круглое, открытое лицо покраснелось, и она еще переводила дух после того, как ей пришлось догонять меня.

– Ох, девушка! Уж извините, я не помню, как вас зовут, но я ждала, когда вы придете... а тут как раз зазвонил телефон, и я пропустила вас, когда вы подошли к дому. Хорошо хоть, я увидела, как вы уходили.

Я придала лицу заинтересованное выражение.

– Я говорю о собаках, о собаках Хэтти Фризелл. Они исчезли.

– Среди бела дня?

Она беспомощно развела руками:

– Я уверена, что заперла их сегодня утром в доме. Я хочу сказать, что не могу оставлять их во дворе, – этот большой черный пес все время шляется по соседним дворам, мне и самой это не очень нравится. Миссис Фризелл даже мысли не допускала, что они могут сделать что-нибудь плохое, но он вырыл все мои ирисы прошлой осенью и съел луковицы.

А когда я пошла к ней, чтобы сказать об этом... ладно, я не о том, я только хотела сказать, что я заперла их в доме, пусть даже это выглядит жестоко. И я уверена, что я это сделала. Не думаю, что я была настолько неаккуратной и оставила дверь открытой. Но когда я вернулась из магазина и зашла, чтобы выпустить их погулять, их уже не было.

Я потеряла глаза краем ладони:

– Когда вы заходили второй раз, дверь была открыта?

– Она была захлопнута, но не заперта, и это-то меня и беспокоит. Как вы думаете, что могло с ними случиться?

– Не думаю, чтобы даже Брюс мог открыть дверь своими зубами. Вы говорили с кем-нибудь еще из соседей? Может быть, кто-то вломился в дом и выпустил собак.

Взломщики, как и Санта-Клаус, знают, когда мы спим или когда нас нет дома. А гостиная выглядела так, словно там что-то искали. На первый взгляд миссис Фризелл казалась не самой подходящей кандидатурой для грабителей, но она была бы не первой из тех, кто жил в сарае, сидя на куче ценных бумаг и драгоценностей.

– Грабители? – Бледно-голубые глаза миссис Хеллстром расширились от страха. – Ох, дорогая, я надеюсь, что нет. Этот квартал всегда был таким спокойным местом, пусть даже мы и не такие шикарные, как этот молодой адвокат в доме напротив или еще некоторые жильцы, которые недавно сюда приехали. Я спрашивала Мод Реззори – знаете, она живет на другой стороне, – но ее тоже не было дома, когда я ходила по

магазинам. Мне нужно пойти сказать мистеру Хеллстрому. Он сердился, что я занимаюсь этими собаками, но раз у нас появились грабители...

Она говорила, как домашняя хозяйка, расстроенная нашествием мышей. Несмотря на всю свою усталость, я не могла удержаться от смеха.

– Это вовсе не смешно, девушка. Я хочу сказать, для вас это, может быть, просто шутка, но вы живете на третьем этаже, и не...

– Я не думаю, что грабители – это шутка, – поспешно оборвала я ее речь. – Но нам нужно выяснить, видел ли кто-нибудь из соседей, как кто-то заходил в дом миссис Фризелл, прежде чем горячиться. Возможно, вы забыли запереть дверь, и зашел контролер, проверяющий счетчики. Могло случиться все, что угодно. Вы уже давно живете здесь – наверное, можете сказать мне, как зовут ваших соседей.

Все, чего мне хотелось, – это принять ванну, выпить виски и посмотреть телевизор, а не расспрашивать соседей всю ночь. «Ради чего ты это делаешь?» – настойчиво спрашивал меня внутренний голос, пока миссис Хеллстром подробно излагала мне биографии Терцев, Ольсенов и Зингеров. Поистине я не могла винить Кэрол в том, что она собирается сидеть дома и ухаживать за дядей Гуиллермо, раз уж я сама решила посвятить свою жизнь собакам сварливой старухи, которая не имела ко мне ровным счетом никакого отношения.

– Хорошо. Я зайду в соседние дома и дам вам знать, если кто-нибудь сможет мне что-нибудь сказать.

Я снова пошла вверх по улице в сопровождении миссис Хеллстром. Она не переставала сокрушаться по поводу грабителей и по поводу того, что скажут ее дочери и что подумает мистер Хеллстром, но я не обращала на это внимания.

Глава 11

Человек кусает собаку

Я начала свои расспросы с Ольсенов, поскольку они жили в соседнем доме с миссис Фризелл и могли заметить, как кто-нибудь заходил к ней через заднюю дверь. К сожалению, они все утро смотрели телевизор в гостиной. Я заметила, как появилось на их лицах разочарование: ведь они могли бы из первых рядов партера наблюдать настоящую драму – видеть грабителей, пришедших к соседке, о которой они несколько не беспокоились. Они ничего не могли мне рассказать.

Потом я пошла к Терцам. Их деревянный дом стоял на восточной стороне Рэйсин, как раз напротив дома миссис Фризелл, и был зажат между домом Пичи и еще одним, который тоже был перестроен. По сравнению с тщательно отделанными стенами соседних домов дом Терцов выглядел еще более обветшалым, но за газоном любовно ухаживали, и перед окнами росло несколько кустов ранних роз.

Миссис Терц было, должно быть, не меньше семидесяти. Сначала мне пришлось с ней общаться, перекрикиваясь через запертую входную дверь ее дома, пока она не убедилась, что я не замышляю ее ограбить.

– О да, я видела вас на улице. У вас такая большая рыжая собака, верно? Просто я никогда раньше не видела вас так

близко, потому я и не узнала вас. Вы помогали Марджори ухаживать за собаками миссис Фризелл, так ведь?

Никогда раньше не слышала имени миссис Хеллстром. Я решила, что пора положить конец ее взволнованной речи:

– Так я хотела бы узнать, не видели ли вы, как кто-нибудь заходил в этот дом, пока ее нет.

– Да, да, я видела, но это были не воры. Неужели Марджори могла подумать, что я спокойно буду смотреть, как кто-то вламывается в дом, пусть даже это дом Хэтти Фризелл, и не позвоню в полицию? Нет, нет, они приходили вместе с окружными властями, я видела надпись на машине: «Ветеринарная служба округа Кук». Я была уверена, что Марджори это все знает. Они пришли около одиннадцати, и эта девушка из соседнего дома, – она кивнула в сторону дома Пичи, – ее зовут Крисси, Крисси Пичи, уже ждала там и впустила их в дом.

– Крисси Пичи? – тупо переспросила я.

– Ну да. Она часто заходит к соседям с визитами. – Миссис Терц слегка улыбнулась. – Думаю, что она делает доброе дело для стариков. Но я нисколько на это не обижаюсь – это очень любезно с ее стороны, пусть даже мы с мужем еще вполне в состоянии сами со всем справляться. Понимаете, его злит, когда некоторые думают, будто в старости люди уже не могут ни в чем разобраться. Как будто из-за того, что мы прожили немного больше их, мы стали глупее. Так что я стараюсь не говорить ему, если она к нам заходит. Но я знаю,

что она бы не пошла к Хэтти, если бы не хотела помочь, так что я и не обратила на нее внимания.

Я смотрела на нее невидящими глазами, едва слушая, что она говорит. Крисси Пичи впустила в дом ветеринарную службу? Как она раздобыла ключи? Впрочем, теперь это не имело уже никакого значения. Они с Тоддом перехитрили меня. Они как-то сумели узнать, что я в отъезде, и тут же вызвали санитарную службу, чтобы те забрали собак миссис Фризелл.

Я покинула миссис Терц, не дослушав ее рассуждений, и понеслась к дому Пичи, по дороге примяв цинии у них во дворе. Когда я нажимала на блестящий медный звонок у входной двери, руки у меня дрожали. В дверях появился Тодд Пичи.

– А, это вы. – Ухмылка мелькнула на его губах, но он явно чувствовал себя не в своей тарелке – его кулаки сжимались и разжимались в карманах хлопчатобумажных брюк.

– Да, это я. Я опоздала на девять часов, но все же напала на след. Как вы и ваша жена достали ключи от дома миссис Фризелл? И кто дал вам право вызывать санитарную службу и забирать ее собак?

– А какое вам до этого дело?

– Вы сами и постарались, чтобы мне было до этого дело, когда пришли ко мне вчера вечером. Где вы взяли ключи?

– Там же, где и вы: я взял ключи, которые лежали в гостиной. И у меня куда больше прав присматривать за тем, что

происходит в этом доме, чем у вас. Гораздо больше прав. — Он качнулся вперед на пятках, пытаясь придать себе грозный вид.

Я тоже подалась вперед, а не назад, как он рассчитывал, и застыла, когда мое лицо находилось в дюйме от его носа.

— У вас вообще нет никаких прав, Пичи. Я позвоню в санитарную службу, а потом в полицию. Может быть, вы и адвокат, но они тем не менее с удовольствием арестуют вас за взлом и самовольное проникновение в чужой дом.

Его усмешка стала явной.

— Давайте, давайте, Варшавски. Идите домой и позвоните или, еще лучше, заходите и позвоните отсюда. Я очень хочу посмотреть, как вы со своей спесью вляпаетесь в лужу. Я хочу оказаться в первом ряду зрителей, когда приедет полиция.

За его спиной показалась Крисси в джинсах, обтягивающих стройные бедра.

— Что происходит, Тодд? А, это хлопотунья с нашей улицы. Ты уже сказал ей, что нас назначили опекунами?

— Опекунами? — Мой голос повысился на пол-октавы. — Какому ослу пришло в голову назначить вас опекунами миссис Фризелл?

— Во вторник утром я позвонил ее сыну. Он был очень доволен, что о его матери позаботится компетентный адвокат. Она не в состоянии сама вести свои дела, и мы...

— Она совершенно в здравом уме. Только лишь из-за того, что она не хочет жить так, как живут так называемые при-

личные люди...

Он, в свою очередь, перебил меня:

– Суд так не считает. Вчера состоялось срочное слушание этого дела. И окружная служба скорой помощи согласилась с тем, что эти собаки представляли угрозу здоровью миссис Фризелл. Если она вообще когда-либо сможет вернуться домой.

У меня было такое сильное желание съездить ему по физиономии, что я поспешила спрятать кулаки за спину.

– Очень мудро, Варшавски, – сказал Пичи, заметив мой жест. – Не знаю уж, какие у вас связи с полицией, но вряд ли они помогут вам уйти от обвинения в оскорблении действительности. – Он был слегка бледен, тяжело дышал, но все же держал себя в руках.

Я молча повернулась. Я чувствовала, что проиграла, и не хотела усугублять свое положение, демонстрируя пустую браваду.

– Спокойной ночи, Варшавски, – раздался мне вслед насмешливый голос Тодда.

Как он смог это устроить? У меня было весьма смутное представление о том, как работает суд по утверждению завещаний и делам опекунов в округе Каунти. Вся моя юридическая практика была связана с уголовными, а не гражданскими делами, хотя у некоторых из моих клиентов были дети, для которых нам приходилось организовывать опеку. Но разве можно так вот просто прийти в суд по утверждению

завещаний и получить права опекуна по отношению к постороннему лицу? Миссис Фризелл не страдала ни слабоумием, ни старческим маразмом: она просто была груба и сварлива. А может быть, здесь не обошлось без ее сына – в ярости я никак не могла вспомнить его имени, – может быть, все, что ему надо было сделать, – это позвонить кому-то и предоставить им право действовать от имени своей матери? Но этого точно не могло быть.

Мышцы у меня так напряглись от гнева, что, когда я подошла к двери своего дома, я вся дрожала. Я налила себе изрядную порцию виски и пошла наполнять ванну. Пока бальзам «Джонни Уокера» оказал свое целительное воздействие на мои напряженные мышцы, я позвонила в ветеринарную службу. Мужчина, который поднял трубку, был очень любезен, даже дружелюбен, но, заставив меня прождать у телефона десять минут, он извиняющимся тоном сказал, что собак миссис Фризелл уже усыпили.

Я представила себе миссис Фризелл, ее спутанные седые волосы, разметавшиеся по больничной подушке, и увидела, как она лежит, отвернув лицо к стене, и умирает, узнав, что ее любимцы мертвы. Я даже слышала, как она хрипло шепчет: «Брюс», и вспомнила обещание миссис Хеллстром позаботиться о собаках. Я не чувствовала себя такой беспомощной с того дня, как Тони сказал мне, что Габриэлла скоро умрет.

Звук воды, льющейся на кафельные плитки, вернул меня

к действительности. Пока я сидела в оцепенении, вода переполнила ванну. Я хотела было предоставить воде течь куда ей угодно, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что она бы рано или поздно протекла через потолок Винни Боттоне, но я все же заставила себя взять ведро и тряпку и вытереть пол. Вода в ванне к тому времени была уже еле теплой и бак с горячей водой опустел. Я испустила разочарованный вопль и швырнула бокал из-под виски через всю комнату.

– Очень умно, Виктория, – сказала я вслух, опустившись на колени, чтобы собрать осколки. – Ты сказала, что можешь изничтожить саму себя, если очень разозлишься, так что вообрази, что бы ты сделала с Тоддом Пичи, попадись он тебе под руку.

Когда я собрала все осколки и вытерла разлившееся виски, я включила в гостиной свет и отыскала номер Тодда Пичи в телефонном справочнике. Его домашнего телефона не было в справочнике, но Пичи указал там свой служебный номер, по адресу в Норт-Ла-Салль, который был мне знаком.

Я перерыла всю гостиную в поисках своей записной книжки, которая обычно валялась среди бумаг на кофейном столике. В своем яростном стремлении к чистоте во вторник утром я так попрятала все вещи, что теперь никак не могла ее отыскать. После того как я полчаса выдвигала все ящики в своей квартире, я обнаружила книжку в подставке для нот. Честное слово, уборка квартиры – это лишь бесполезная

трата времени.

Я набрала не указанный в телефонной книге номер Ричарда Ярборо в «Оук-Бруке». Он сам поднял трубку.

– Дик, привет. Как дела?.. Это я, твоя старая добрая экс-супруга Вик, – прибавила я, когда поняла, что он не узнал меня по голосу.

– Вик! Что тебе нужно? – Его голос прозвучал испуганно, но не слишком враждебно.

Обычно наши с ним разговоры начинаются с небольшого обмена колкостями, но сейчас я была слишком расстроена, чтобы упражняться в остроумии.

– Ты знаешь парня по имени Тодд Пичи?

– Пичи? Возможно. Почему ты спрашиваешь?

– Тот, о котором я говорю, живет на моей улице, в доме напротив. Его рост примерно пять футов десять дюймов, ему за тридцать, шатен, открытое лицо. – Мой голос срывался, и я не могла придумать, как бы мне описать Пичи, чтобы его можно было узнать среди десятка тысяч других молодых юристов.

– Ну и что?

– Его юридическая контора, кажется, находится по тому же адресу, что и твоя. Я подумала, что, может быть, он один из ваших молодых притких адвокатов.

– Да, кажется, у нас есть новый сотрудник с таким именем. – По-видимому, Дик не собирался по доброй воле делиться со мной информацией.

Я не обдумала заранее ход нашего разговора. Как и все, что я делала сегодня вечером, начиная со звонка в дверь Пичи и кончая битьем стаканов из-под виски, мой звонок Дикку был импульсивным и, вероятно, глупым. Я продвигалась вперед, чувствуя себя так, словно я разгребаю руками сыпучий песок.

– Он взял на себя осуществление одной сверхурочной юридической миссии. На самом деле он придумал нечто, что не лезет ни в какие рамки: он сделал себя опекуном одной пожилой женщины, его соседки, которая сейчас находится в больнице, потом вызвал ветеринарную службу, чтобы они усыпили пять собак.

– Я не имею к этому никакого отношения, Вик, и не понимаю, почему это касается тебя. Ну а теперь, с твоего позволения, я должен идти – мы сегодня принимаем гостей.

– Дело в том, Дик, – быстро встала я, прежде чем он успел повесить трубку, – что эта женщина – мой клиент. Я собираюсь расследовать, каким образом Пичи организовал судебный процесс и стал ее опекуном. И если я найду хоть что-нибудь странное в этом деле – а, на мой взгляд, все произошло слишком быстро, – то это все появится в газетах. Я только хотела, чтобы ты знал. Так что подготовься отвечать на телефонные звонки, принимать телевизионные группы и так далее. И еще тебе, вероятно, стоит предупредить своих юных коллег, чтобы они не распространяли свой энтузиазм за пределы тех вопросов, которые официально находятся в

их компетенции.

– Почему тебе обязательно нужно все время наезжать на меня, как тяжелый грузовик? Почему ты не можешь просто позвонить, чтобы сказать: «Привет»? Или не звонить вовсе?

– Дик, это дружеский звонок, – проговорила я с упрямством. – Я пытаюсь предостеречь тебя, чтобы ты не оказался в глупом положении.

Мне послышалось, что он скрипит зубами, но я могла и принимать желаемое за действительное.

– Как зовут эту пожилую женщину?

– Фризелл. Харриет Фризелл.

– Хорошо, Вик, я возьму это на заметку. А теперь мне нужно идти. Не звони больше, пока не захочешь приобрести билет на следующий бенефис, который мы будем спонсировать. И даже тогда я бы очень хотел, чтобы ты общалась с моим секретарем.

– Было очень приятно с тобой побеседовать. Передай мой нежный привет Тэри.

Он бросил трубку. Я положила свою, размышляя, что же я сделала и зачем... Итак, миссис Фризелл – мой клиент? И что дальше? Еще бесчисленные часы потраченного впустую времени, в то время как мне необходим заработок, чтобы я купила новые кроссовки? И чего, собственно говоря, я жду от Дика по отношению к Годду Пичи – чтобы тот пошел и сказал ему, какая я свирепая и как опасно со мной шутить, или чтобы он следил за каждым его шагом и вернул к жизни

этих мертвых псов?

Было уже девять часов. Я была растрепанная, усталая и хотела есть. В пятницу вечером я вряд ли могла сделать что-нибудь, чтобы отменить решение суда о назначении Пичи опекуном. Я ополоснулась чуть теплой водой и надела чистые хлопчатобумажные брюки, чтобы пойти раздобыть что-нибудь на ужин на Линкольн-авеню.

Глава 12

И тех, кто шел за Брюсом⁷ в бой, Он свел в могилу за собой

Я провела в постели шесть часов, в основном просто чтобы убить время до утра, потому что заснуть я не могла. Я не хотела брать на себя бремя заботы о чужих собаках и не дала даже открыть рот мистеру Контрерасу, который хотел предложить, чтобы мы их взяли. Я даже была с ним довольно резка и высокомерна. И вот теперь собаки мертвы. Я пыталась отогнать от себя зрелище их окоченевших тел, лежащих на какой-то свалке или куда там работники ветеринарной службы отвозят усыпленных собак, но я чувствовала себя больной, разбитой, у меня было такое состояние, словно меня охватила лихорадка, как будто я сама построила их вдоль стены и расстреляла.

Во время бессонных ночей кажется, что небо навсегда останется черным, что день наступит только тогда, когда ты заснешь. В конце концов я, видимо, все-таки задремала на час или два, потому что вдруг оказалось, что моя комната залита светом. Наступило еще одно великолепное июньское

⁷ *Брюс Роберт* (1274–1329) – шотландский король, в 1314 г. разбил английскую армию при местечке Баннокберн; в 1328 г. добился от Англии признания независимости Шотландии.

утро, и погода была как раз подходящая для того, чтобы сообщить старухе с переломанным бедром, что ее обожаемые собаки мертвы.

Среди моих соучеников по колледжу у меня был друг, Стив Логэн, который работал теперь психиатром в социальной службе больницы округа Кук. Нам приходилось работать вместе, когда я была связана с полицейским управлением, — он осматривал некоторых моих плохо адаптирующихся в обществе клиентов. Одно время мы даже вообразили себе, что влюблены друг в друга. Наши отношения не получили дальнейшего развития, но память об этом делала дружбу более теплой.

С тех пор как наши служебные дороги больше не пересекались, нам удавалось встречаться всего лишь два в год, но, наверное, он мог бы помочь мне повидать миссис Фризелл. Я выждала еще долгих два часа до девяти, когда уже было удобно позвонить ему.

Стив был рад моему звонку и сочувствующе прищелкнул языком, когда я рассказала ему о цепи преследующих меня несчастий. Он согласился найти миссис Фризелл и провести меня к ней, если я встречу с ним через полчаса — у него был выходной и он собирался сводить детей в зоопарк.

Я поспешно оделась и тихонько выскользнула на улицу, чтобы меня не заметил мистер Контрерас. Я чувствовала, что не в состоянии рассказать ему, что случилось, а тем более выслушивать его упреки.

Больница округа Кук находилась недалеко от нас, в западной части города, рядом со станцией надземной железной дороги Лейк-стрит, между военным госпиталем и пресвитерианской больницей Святого Луки. Последняя представляла собой огромное частное заведение с самым современным оборудованием и далекоидущей программой строительства новых корпусов, которая грозила поглотить расположенные вокруг жилые кварталы. Прес, как называли это заведение местные жители, не имела никакого отношения к больнице округа, помимо тех случаев, когда у их пациентов кончались деньги; тогда им приходилось выкатываться на улицу, и они могли надеяться на лечение только за счет средств налогоплательщиков.

Здание окружной больницы было построено где-то на рубеже веков, когда считалось, что общественные строения должны выглядеть как Вавилонская башня. Но с постройкой здания все щедрые акты благотворительности закончились. Мы продолжаем вкладывать средства в судебную систему, строя все более грандиозные сооружения, чтобы еще сильнее мог давить на нас закон, но больница остается все в том же плачевном состоянии. Примерно каждые полгода газеты начинают бить тревогу, оповещая, что больница будет закрыта и мы потеряем федеральные дотации, поскольку здание находится в аварийном состоянии, но потом федеральные власти отступают и заведение худо-бедно продолжает свою деятельность. То, что в операционных нет кондиционеров и в

больнице отсутствует противопожарная система, не кажется достаточной причиной, чтобы лишить бедных последнего места, где они еще могут получать медицинскую помощь.

Как бы в ответ на постройку Прес и Университета штата Иллинойс, территория которого находилась недалеко от больницы, вокруг немедленно возникло множество аккуратных городских домиков. Но, несмотря на это, мне совсем не хотелось оставлять «транс-ам» посреди улицы. Когда я ставила его на одну из платных стоянок у больницы, я пожалела, что не выбрала себе машину, которая больше соответствовала бы моим доходам и уровню жизни моих соседей. Если бы я купила подержанный «шевроле», я бы могла позволить себе новые кроссовки.

Мы со Стивом договорились встретиться в вестибюле главного входа в больницу, выходящего на Харрисон. Это был довольно странный холл, в углу которого стояла статуя обнаженной женщины с двумя ребятишками, а под потолком красовался огромный квадрат из синих светящихся трубок. Я пыталась понять, то ли это какое-то специальное устройство, то ли просто лампы ультрафиолетового света, который убивает микробов. Если это было так, то здесь происходила заведомо проигрышная битва с толстым слоем грязи, покрывающим пол и стены.

Проходившие по коридору люди жевали картофельные чипсы и пили кофе. Стулья, расставленные в нишах, практически все были свободны. В будние дни все они бывали заня-

ты людьми, ожидающими своей очереди на прием в клинике для амбулаторных больных. В это субботнее утро на ступеньках растянулись только двое пьянчуг, отсыпавшихся после попойки вечером в пятницу. Больница была огромной, выстроенной в форме буквы «Е» высотой в семь этажей. Бездомные, которых вышвырнули из аэропорта О'Хара, проникали сюда через боковые входы и устраивались на ночь в бесконечных коридорах.

Пока я ждала Стива, двое здоровенных полицейских проволокли по коридору человека в наручниках и кандалах на ногах. Он был тощим и дрожал, словно лист между двух ветвей, его лицо скрывала хирургическая маска. Маска и кандалы совершенно не сочетались друг с другом. Может быть, это был заразный больной, который начихал на офицеров? Случаи туберкулеза тоже все чаще встречались в округе.

Стив вбежал в вестибюль чуть позже десяти часов, когда я уже успела изучить мозаику на полу во всех подробностях и накрепко запомнить ее узор. Он был в джинсах и теннисных туфлях. Прямые белокурые волосы, падавшие ему на глаза, придавали ему сходство с коммерческим агентом на огромной ярмарке. Я не могла понять, каким образом ему удастся сохранить здравый рассудок после всех тех лет, что он проработал в больнице, но он как-то раз сказал мне, что эта работа дает ему ощущение реальности.

Он обнял меня за плечи и слегка потрепал по щеке:

– Прости, что опоздал, Вик. Я решил проверить, есть ли у

нас что-нибудь на эту твою леди. Сейчас все дела у нас проходят с опозданием на шесть месяцев, так что я не ожидал что-нибудь найти, но оказалось, что в четверг в суде было какое-то внеочередное слушание.

Я скорчила гримасу:

– Да, вот потому-то я и здесь. У нас есть один чертов сосед, весьма преуспевающий молодой человек, которому как-то удалось стать опекуном этой дамы, и сделал он это с изумительной поспешностью.

Густые брови Стива исчезли под волосами.

– Я бы даже сказал, со сверхпоспешностью. Она поступила к нам только в понедельник вечером, верно? Да, это выглядит почти неприлично. Она оставила ему что-нибудь в своем завещании?

– Бешеного пса, если бы это пришло ей в голову. Этот парень вызвал ветеринарную службу, чтобы усыпить ее собак. Вся ее жизнь заключалась в этих собаках. Я не знаю, как она это воспримет, когда узнает, что все они мертвы.

Стив взглянул на часы:

– Элен сейчас кормит детей завтраком и проверяет, как они оделись. Я только позвоню ей и скажу, что немного задержусь, – я сам хочу посмотреть на миссис Фризелл. Тогда мы сможем решить, как лучше всего сообщить ей о том, что случилось с собаками. Пойдем, поговорим у меня в кабинете.

Стив был выше меня на пять-шесть дюймов. Он старал-

ся сбавить шаг, но мне все равно приходилось время от времени трусцой догонять его. Внезапно он нырнул в какую-то дверь и стал подниматься по лестнице.

– Лифты, – коротко бросил он. – В этой части здания сегодня работает только один. Боюсь, что нам придется подняться пешком на пятый этаж, но так на самом деле быстрее, поверь мне.

Когда мы добрались до его кабинета, я слегка задыхалась, но он, казалось, совершенно не запыхался. Он позвонил жене, взял папку и снова закрыл дверь – и все это проделал одним движением.

– Элен передает тебе привет. Мы спустимся на два этажа в ортопедическое отделение. Я позвонил Нелли Макдауэл – она там старшая медсестра. Она спокойная женщина и разрешит нам поговорить с миссис Фризелл.

Мы увидели Нелли Макдауэл у поста медсестры, комнатухи в конце коридора. Это была высокая, крепко сложенная негритянка. Она кивнула нам со Стивом и продолжала разговор с двумя медсестрами и санитаром. Они обсуждали поступивших накануне вечером больных и пытались спихнуть с себя лишнюю нагрузку. Мы подождали в коридоре, пока они не закончили, – крошечная комната еле-еле вмещала и тех четверых.

Когда собрание закончилось, Макдауэл пригласила нас войти. Стив представил меня:

– Вик хочет поговорить с Харриет Фризелл. Она в состо-

нении видеть кого-нибудь?

Макдауэл слегка нахмурилась:

– Она сейчас не в том состоянии, чтобы с кем-нибудь общаться. Зачем вы хотите ее видеть?

Я повторила свою историю о том, как мы нашли миссис Фризелл в понедельник вечером, о Тодде Пичи, о собаках и почему я обо всем этом беспокоюсь.

Макдауэл оглядела меня тем взглядом, каким капитан смотрит на неопытного младшего офицера.

– Вы знаете, Вик, кто такой Брюс? – спросила она.

– Так зовут... звали ее самого любимого пса, большого черного лабрадора.

– Она все время бормочет его имя. Я думала, что это ее муж или сын. Но собака? – Старшая сестра поджала губы и покачала головой. – Она плохо себя чувствует – не отвечает на вопросы, и с тех пор, как ее привезли сюда, она ничего не сказала, только повторяет эту кличку собаки. В понедельник вечером от нее так и не добились, чтобы она назвала кого-нибудь из своих родственников, – доктора вынуждены были в конце концов сами подписать согласие на лечение от ее имени. Мы пытались разыскать в городе и пригородах Брюса Фризелла, но раз это собака, тогда понятно, почему у нас ничего не вышло. Если пес мертв, вряд ли она сможет спокойно это перенести. Я не стала бы ничего говорить ей об этом до тех пор, пока она в достаточной мере не поправится.

– Я хочу поговорить с ней, Нелли, – сказал Стив. – Попы-

таюсь оценить ее состояние. Один из наших ребят был здесь, чтобы подготовить все к слушанию в суде в четверг, но я хочу сам на нее взглянуть.

Макдауэл всплеснула руками:

– Пожалуйста, Стив, когда угодно. И можешь взять с собой детектива, это не проблема. Но только не делайте ничего, что могло бы ее расстроить. Если только вы успели заметить, у нас в отделении не хватает рабочих рук.

Она вынула медицинскую карту, на корешке которой было написано «Фризелл».

– Может быть, вы скажете мне одну вещь, – проговорила она. – Отчего такая спешка с установлением над ней опекунства? Обычно в таких случаях проходит не один месяц, прежде чем дело дойдет до суда. Но в четверг утром этот опекун уже был тут собственной персоной и говорил с ней без всяких там «с вашего разрешения». Я вызвала охрану, и они вытолкали его, пока он не успел довести кого-нибудь до психического припадка, вместе с этим мальчишкой из вашей конторы. – Она кивнула в сторону Стива. – И это все меня просто взбесило.

Я покачала головой:

– Я и сама ничего не могу понять, хотя знаю, что Пичи спал и видел, как бы избавиться от ее собак. Я лично разговаривала в понедельник вечером с ее сыном. Он живет в Калифорнии и интересуется судьбой своей матери ровно столько же, сколько я – своими тараканами. Я полагаю, что, когда

Пичи позвонил ему, он был счастлив, что может свалить все хлопоты о миссис Фризелл на кого-то другого.

Макдауэл, в свою очередь, покачала головой:

– У нас здесь лежат люди со всевозможными проблемами, но я не могу припомнить ни одного пациента, чья семья хотела бы сбросить его на руки постороннего человека, прежде чем... Миссис Фризелл в той палате, третья секция с конца. Скажете мне потом, что вы об этом думаете, Стив.

Когда мы покинули комнату медсестер, Стив объяснил, что раньше эта палата была открытой, но несколько лет назад в ней соорудили перегородки между койками.

– Это отнюдь не самое удачное решение, – сказал он, – стены этих кабинок так близко расположены друг к другу, что нельзя даже заправить постель, и пациенты не могут привлечь к себе внимание дежурных, если им нужна помощь. Но администрация издала соответствующий указ, и нам приходится подчиняться.

Когда я увидела миссис Фризелл, внутри у меня все похолодело и я почувствовала слабость. Даже в понедельник вечером, когда она, полуголая, лежала на полу в ванной комнате, она была похожа на человека. Теперь ее голова откинулась на подушке, взгляд ничего не выражал, рот был открыт, а морщинистая кожа, под которой проступала каждая косточка, приобрела землистый оттенок. Она выглядела как труп. Только ее непрерывные, бессмысленные движения показывали, что она все еще жива.

Я в ужасе взглянула на Стива. Он покачал головой, плотно сжав губы, но протиснулся между кроватью и стенкой перегородки. Я подошла к кровати с другой стороны.

Я опустилась на колени рядом с постелью. Глаза миссис Фризелл, казалось, не остановились ни на мне, ни на Стиве.

– Миссис Фризелл! Это я – Виктория, ваша соседка. Как вы себя чувствуете?

Это был глупый вопрос, и я почувствовала себя в должной мере наказанной за мою глупость, когда она не ответила. Стив знаком показал, что мне следует продолжать, и я с трудом заговорила снова:

– У меня есть собака, знаете, золотистый ретривер. Мы по утрам иногда пробегали с ней мимо вашего дома, и мы с вами несколько раз беседовали. – «Несколько раз она накричала на меня, – пронеслось у меня в голове, – может быть, она даже ни разу меня и не заметила». – И я нашла вас в понедельник вечером. Вместе с Марджори Хеллестром.

Я повторила это имя несколько раз и заставила себя продолжать, но я была не в силах упомянуть о ее собаках, а это была единственная тема, которая могла бы привлечь ее внимание. Мои колени начали ныть от холодного, жесткого пола, и мой язык стал ватным. Я уже собиралась сделать усилие и подняться, когда она внезапно перевела на меня свои затуманенные глаза.

– Брюс? – хрипло произнесла она. – Брюс?

– Да, – сказала я, заставив себя улыбнуться. – Я знаю Брю-

са. Это замечательная собака.

– Брюс... – Она хлопала рукой по постели, словно приглашая несуществующего пса вспрыгнуть на кровать и лечь рядом.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Но в больницу не пускают собак. Очень скоро вы поправитесь и тогда сможете вернуться домой и снова будете с ним.

– Брюс... – опять повторила она, но казалось, ее лицо немного оживилось. Через несколько секунд она уснула.

Глава 13

Сыновняя преданность

Вернувшись в свою машину, я опустила спинку сиденья так низко, как это только позволяла конструкция, и вытянулась на нем, не в силах пошевелиться. После того как я вышла от миссис Фризелл, меня вырвало. Это был внезапный приступ рвоты, вызванный желанием освободиться от всей той лжи, которую я наговорила ей. Нелли Макдауэл вызвала женщину с тряпкой, которая не разрешила мне самой убрать за собой.

– Не беспокойтесь об этом, дорогая, это моя работа. И так приятно видеть, что кто-то заботится об этой бедной старой леди так сильно, что даже сам может из-за нее заболеть. Вы только выпейте стакан воды и полежите минутку, подняв ноги кверху.

Мне было стыдно за то, что я так расклеилась в присутствии Стива и Нелли Макдауэл, и я отвергла все их предложения помочь мне.

– Твои дети будут сердиться, если ты еще задержишься, Стив. Иди домой, со мной все в порядке.

И я действительно в некотором роде была в порядке. Я никак не могла прийти в себя с того самого момента, как накануне вечером позвонила в дверь Тодда Пичи. Так почему

я должна расстраиваться, что не сумела справиться с собой и в больнице округа Кук?

Когда я наконец взяла себя в руки и завела машину, был уже полдень. Я была уже на Южной стороне, в двух кварталах от Дэймен. Еще несколько миль к югу, и я могла бы начать проверку баров около старой квартиры Митча Крюгера. Только я была уже не в состоянии вынести горести еще одной разрушенной жизни.

Вместо этого я повернула к озеру Мичиган и поехала на север, через город, к фешенебельным районам, где частные владения скрывали из вида озеро, а затем к открытому пространству, которое расстилалось за ними. Хотя день был ясным, а вода – голубой и спокойной, было еще слишком холодно, чтобы купаться. Группки людей, выехавших на пикник, располагались около озера тут и там, но мне удалось найти полоску пустынного пляжа, где я могла бы снять одежду и зайти в воду в нижнем белье. Через несколько минут мои ноги замерзли и уши запылали от холода, но я продолжала сидеть в воде, пока не почувствовала, как в голове у меня зашумело и все вокруг сделалось черным. Тогда я выбралась на берег и растянулась на песке.

Когда я проснулась, солнце было уже довольно низко. Весь день прохожие могли любоваться мною в таком виде, но никто не стал меня трогать. Я натянула джинсы и рубашку и двинулась к городу.

Разговор с миссис Фризелл отнял у меня все силы, и в

эту ночь я спала крепким и тяжелым сном. В воскресенье проснулась поздно, чувствуя себя опухшей от сна и несколько не отдохнувшей. Воздух на улице неожиданно оказался таким тяжелым, как и моя голова. Такая погода не слишком подходит для пробежки. Девяносто градусов⁸ и такая влажность в начале июня? Неужели это означает, что убийственный парниковый эффект достигнут и мне пора сменить свой великолепный автомобиль на велосипед? В эти выходные я была не в том состоянии, чтобы беспокоиться о судьбе миссис Фризелл, Митча Крюгера и всей округи.

Я выпила чашку кофе и поехала в своем великолепном автомобиле к бассейну, где время от времени плаваю. Воскресенье – семейный день: в бассейне было примерно поровну хлорки и визжащих детей. Я прошла в тренажерный зал, чтобы провести скучные полчаса на снарядах. Работа на тренажерах монотонна, и у людей, посещающих тренажерные залы, на лицах зачастую появляется выражение самодовольства – такое, как бывает, когда стоишь перед зеркалом и думаешь: «Черт возьми, я так хороша, у меня такая великолепная фигура, я думаю, что я влюбилась».

Я позанималась на снарядах столько, сколько смогла выдержать, потом пошла в гимнастический зал, чтобы пристроиться к какой-нибудь компании и сыграть в баскетбол. Мне повезло. Какая-то женщина как раз уходила, чтобы забрать своих детей из бассейна. Мы смогли поиграть всего минут

⁸ По Фаренгейту: примерно плюс 33 °С.

двадцать, но к тому времени, как появились мужчины, чтобы принять от нас эстафету и потренироваться в свою очередь, я была уже вся мокрая от пота и перестала ощущать тяжесть в голове.

Войдя в душевую, я осознала, что забыла свою спортивную сумку в тренажерном зале. Вернувшись за ней, к своему удивлению, я обнаружила Крисси Пичи на том же снаряде, на котором до этого тренировалась я. Не было ничего удивительного в том, что она занималась своей фигурой, но я никак не ожидала встретить ее именно здесь. Я скорее представила бы ее в шикарном зале в районе Линкольн-Парк или Луп. Она покраснела, когда узнала меня.

– Поскольку вы с Тоддом взяли на себя заботу о собаках и миссис Фризелл, у меня появилось время заняться своей фигурой, – сказала я сердечным тоном, поднимая с пола свою сумку.

Ее лицо потемнело от гнева.

– Когда вы наконец перестанете лезть в чужие дела!

– А я, как вы, люблю помогать соседям. Или вы считаете, что, когда суετε свой нос в дом миссис Терц или миссис Фризелл, вы занимаетесь своим собственным делом?

Она так резко отпустила снаряд, что он с грохотом упал на пол.

– И откуда вы такая взялись?

Я улыбнулась:

– Это старая песня, Крисси. Не надо так резко отпускать

снаряд – это самый верный способ порвать мышцы.

Я не торопясь вышла из зала, насвистывая себе под нос. Черт возьми, Вик, ты так остроумна, ты, наверное, влюбилась.

Вернувшись домой, я почувствовала какую-то тревогу и решила позвонить сыну миссис Фризелл в Сан-Франциско. Он снял трубку после восьмого гудка, когда я уже начала думать, что он уехал на уик-энд. Я напомнила ему, что мы с ним беседовали в прошлый понедельник, когда я нашла его мать в ванной.

– Да?

Я объяснила, что случилось с собаками.

– Вчера я ходила проведать ее. Она очень плоха. Если она узнает, что собак усыпили, это может ее убить. Медики хотят сначала поговорить с вами – они не могут идти на такой риск, не сообщив об этом ее семье... Насколько я понимаю, вы – единственный ее близкий родственник?

– Возможно, мой отец еще жив, в какой-нибудь райской стране, куда он сбежал еще до моего рождения. Поскольку они не разведены, формально он все еще ее самый близкий родственник, но я не думаю, что он будет теперь беспокоиться о ней больше, чем все последние шестьдесят лет. Во всяком случае, я уполномочил адвоката, который живет с ней по соседству, выступить в качестве ее опекуна. Почему бы вам не обсудить все это с ним? – В его голосе была горечь, накопившаяся за шестьдесят лет обиды.

– В этом отчасти и состоит проблема: именно этот адвокат вызвал ветеринарную службу, чтобы усыпить ее собак. Его ничуть не волнует, как это подействует на вашу мать, – он стремился стать ее опекуном, только чтобы избавиться от собак.

– Думаю, вы преувеличиваете, – отозвался он. – А вы сами почему проявляете такое участие в судьбе моей матери?

Сказать ему, что я просто по-соседски беспокоюсь? Хлопотунья, вечно сующаяся в дела других людей?

– Она мой клиент. Я не могу бросить это дело только потому, что ее сознание затуманено.

– Клиент? Какой такой... Я просматриваю счета моей матери раз в квартал, после того, как банк их оплатит. Я не могу припомнить ваше имя – Шарански, так вы сказали?

– Нет, я вам говорю – Варшавски. Вы бы и не нашли никаких счетов – я выполняю для нее работу частным образом.

– Да, но что это за работа? Кругом полно таких, кто пытается нажиться на стариках. Продиктуйте-ка мне ваше имя по буквам. Я бы хотел, чтобы Пичи разобрался, в чем здесь дело.

– Откуда вы знаете, что он не из тех людей, которые пытаются нажиться на стариках? – спросила я. – У кого вы навели о нем справки? Вы что, собираетесь и дальше проверять счета вашей матери, после того как вы предоставили ему право по своему усмотрению распоряжаться ее жизнью?

– Он сообщил мне название своей юридической фирмы.

Я туда позвонил, и меня уверили в его честности и беспристрастности. А теперь, если вы будете так любезны продиктовать мне ваше имя...

– Но он вовсе не беспристрастен! – вскричала я. – Он хочет выселить вашу мать из нашего квартала. Он хотел усыпить собак; возможно, он надеется, что она умрет в больнице и он сможет продать ее дом такому же яппи, как и он сам...

Байрон перебил меня в свою очередь:

– Моя мать – очень сложный человек. Очень сложный. Я не был в Чикаго уже четыре года, когда я видел ее последний раз, она уже впадала в маразм. Конечно, она была маразматичкой все то время, что я ее знаю, но, по крайней мере, как-то умудрялась вести хозяйство. Однако четыре года назад я заметил, что она запустила свой дом до крайности. – Он повторил эту фразу, словно сам ее придумал и наслаждался ее звучанием. – Если бы не я, то ее лачуга была бы снесена первым же сильным ливнем. Она не могла вызвать рабочих и починить крышу. Она не могла убрать мусор во дворе. Могу поклясться, что она за восемьдесят лет ни разу не пользовалась пылесосом. Думаю, что ей пора перебраться в приют для престарелых или еще куда-нибудь, где о ней смогут позаботиться.

Он так разгорячился, что было слышно, как он задыхается. Я подумала, что сейчас не время говорить ему, что восемьдесят лет назад у большинства людей не было пылесосов.

– И меня нисколько не трогает то, что эти проклятые собаки сдохли, – продолжал он. – Она всегда была такой. Когда я был еще мальчишкой, я не мог никого привести домой, потому что все это зверье слонялось вокруг. Это было больше похоже на зоопарк, чем на дом, и все из-за того, что она всю жизнь мечтала стать ветеринаром, а вместо этого ей пришлось работать на фабрике, где делали коробки. Что ж, всем нам приходится расставаться со своими мечтами – я хотел быть архитектором, но у меня не было денег, получить соответствующее образование, так что вместо этого я стал бухгалтером. Но я же не наполняю свой дом чертежами и проектами домов. Я смирился. Мать так и не смогла этого понять. Она всегда думала, что правила и законы написаны для других, а не для нее, и вот теперь ей приходится познавать на своем горьком опыте, что это совсем не так.

Лично я всегда хотела играть в оркестре, но вместо этого поступила в юридическую школу. И я добивалась стипендии, работала по ночам и не отдыхала летом. Поэтому мне было трудно расплакаться над разбитыми мечтами Байрона, но я жалела миссис Фризелл.

– В ветеринарную школу очень трудно поступить, – сказала я вслух. – И могу поклясться, что шестьдесят пять лет назад для женщины это было практически невозможно.

– А я и не нуждаюсь в проклятых лекциях о правах женщин. Пока женщины не научатся как следует следить за своими детьми, они не заслуживают никаких других прав. Могу

себе представить, что она сделала с моим отцом, чтобы выжить его из дома. Кто вы такая, черт вас возьми, чтобы читать лекции? Какую такую работу вы делаете для моей матери? Приносите ей учебники по ветеринарии? – насмешливо спросил он. – Что это за работа?

– Я юрист. И частный детектив.

– Если вы юрист, то что вы делаете для моей матери?

– Пытаюсь защитить ее собственность, мистер. Она очень беспокоится о своем имуществе.

– Я не видел... ах да. Вы уверяете, что выполняете для нее какую-то работу по частному соглашению. Что ж, я поговорю о вас с Пичи, и посмотрим, что он скажет, мисс Варшавски.

– Да, моя фамилия Варшавски, – бросила я. – И почему бы вам не записать и мой номер телефона. Запишите его рядом с номером Пичи, чтобы в следующий раз, когда на вас накатит чувство сыновней любви, вы смогли меня разыскать.

Он бросил трубку, прежде чем я успела назвать ему первые три цифры.

Я села на пол в гостиной, глядя на телефон. Моя мать умерла, когда мне было пятнадцать. До сих пор я иногда просыпаюсь ночью от тоски по ней, и от этого чувства я физически не могу дышать. Но я бы скорее согласилась переносить эту боль каждую ночь, чем дожить до шестидесяти лет и все еще пережевывать свою обиду и злость.

Голос моего желудка прервал нахлынувшие на меня угрю-

мые мысли. Мой желудок, пожалуй, наводил на меня куда большее уныние, чем все остальное, – я не завтракала, да и время ланча давно прошло. В кухне не прибавилось ничего более аппетитного, чем в начале недели. Я переоделась в легкие брюки и футболку, доехала до «Белмонт дайнер», купила поесть и двинулась к югу.

Глава 14

По следам Мартина Лютера

Прежнее жилье Митча на Тридцать пятой тоже представляло собой меблированные комнаты, но рангом повыше, чем заведение миссис Полтер. Дом – обшарпанный, выкрашенный белой краской особняк – блистал чистотой, начиная от добросовестно выскобленных ступеней и кончая гостиной, в которой мы и беседовали с миссис Кориолано, женщиной лет пятидесяти. Она объяснила мне, что этот дом достался ей от матери, которая начала сдавать комнаты, когда ее муж разбился, упав со строительных лесов, двадцать лет назад.

– В то время было трудно прожить на социальное пособие, а теперь это и вовсе невозможно; у мамы артрит, она не может ходить, не может подниматься по лестнице.

Я сочувственно покивала и перевела разговор на Митча Крюгера. Миссис Кориолано только всплеснула руками. Он жил у них на протяжении трех лет. Его привел еще один квартиросъемщик, Джейк Соколовски, такой обязательный, порядочный мужчина, и, конечно, они с радостью согласились поселить у себя его друга. Но мистер Крюгер никогда не платил за жилье вовремя. Ни разу. И поздно ночью вваливался до смерти пьяный, будил мать миссис Кориолано, у которой был очень чуткий сон. Что ей оставалось делать?

Она много раз делала предупреждение, давала отсрочку, но в конце концов ей пришлось выставить его отсюда.

– Когда он был пьян, он курил прямо в постели и так засыпал, не потушив огня. Нам повезло, что это случилось в одну из маминых бессонных ночей. Она почувствовала запах дыма, закричала, я проснулась и сама потушила огонь. В противном случае мы бы теперь ночевали на скамейках в Грант-парке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.